

**Юрий
ЛУЖКОВ**

**Александр
ВЛАДИСЛАВЛЕВ**

**С верой в себя
и в Россию**

Юрий ЛУЖКОВ
Александр ВЛАДИСЛАВЛЕВ

*С верой в себя
и в Россию*

Об идеологии «Отечества»

Москва
НАУЧНАЯ КНИГА
2000

ББК 66.3 (2Рос)

Л 83

Лужков Ю. М., Владиславлев А. П.

Л 83 С верой в себя и в Россию. Об идеологии «Отечества». М.: Научная книга, 2000. 120 с.

ISBN 5-7671-0013-6

В книге излагаются основные принципы и ценности общероссийской политической общественной организации «Отечество».

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК 66.3 (2Рос)

© Ю.М. Лужков, А.П. Владиславлев, 2000

При оформлении обложки использован фрагмент картины И. Левитана «Над вечным покоем».

Издательство «НАУЧНАЯ КНИГА»

ИД № 01253

Издательский код 0511(03)

Москва, ул. Остоженка, 53/2

ISBN 5-7671-0013-6

Заказ № 475

Тираж 5000 экз.

Формат 60x90 . Подписано в печать 29.05.2000.

**Отпечатано в ООО «Типография Полимаг»
127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107**

Уважаемые соотечественники!

Однажды во время нашей беседы премьер-министр Швеции, председатель правящей там около 80 лет социал-демократической партии, сказал об одной из правительственных акций: «Это самое капиталистическое решение нашего социалистического правительства». На вопрос: «Как же Вы уживаетесь с этими словами, которые фактически утратили свой первоначальный смысл?» — после некоторой паузы премьер-министр ответил: «Пожалуй, Вы правы, но, к сожалению, других слов пока нет».

Мир в последние годы сильно изменился. Появились новые явления, которые оказывают существенное влияние на жизнь человечества: оказались утраченными простота и ясность многих понятий; то, что еще вчера казалось очевидным, сегодня ставится под сомнение. Мы столкнулись с тем, что не только нет готовых решений, но порою нет и понятий, в которых они могут быть осмыслены. И если такое положение сложилось в мире, в том числе и в благополучных западных странах, то что уж говорить о России, которая в течение долгих лет не может определиться с выбором пути.

В свое время, задумав создание «Отечества», мы упорно размышляли, каким ему быть. Нам не хотелось оказаться очередной партией-однодневкой, призванной обслужить чьи-то потребности на очередных выборах, — мы поставили перед собой цель создать одну из опор политической системы новой России. Мы пришли всерьез и надолго и поэтому не могли ограничиться набором сиюминутных лозунгов. Нам потребовалась идеология,

рассчитанная на длительную дистанцию, идеология, способная собрать и воодушевить соотечественников, придать их деятельности общие цели, стать в ряд их жизненных принципов и ценностей.

Анализируя достижения общественной мысли прошлого и современный мировой опыт, мы нигде не нашли готовых ответов на наши вопросы. Мы поняли, что должны сами воссоздать идеологию «Отечества» — на основе лучших образцов и достижений общественной мысли, синтезируя новое качество из выработанных человечеством компонентов. Это потребовало напряженной интеллектуальной работы, долгих горячих споров, многих бессонных ночей. Так родился Манифест «Отечества», в концентрированной форме выражающий те основополагающие идеи, те коренные принципы и стратегические цели, во имя осуществления которых создана наша Организация.

Со временем стало ясно, что значение имеют не только программные идеи, но и путь, которым мы к ним пришли. Вот почему мы решили воссоздать этот путь, провести по нему всех, кто думает об исторической судьбе Отечества. Книга не пересказывает достаточно известные идеологические принципы «Отечества», а приглашает читателя в творческую лабораторию его создателей.

Повторите наш путь — и, мы уверены, вы встанете в ряды наших единомышленников.

Введение

Почти полтора десятилетия прошло с тех пор, как Россия вступила в очередную эпоху реформ. И мы снова, в который уж раз, задаем себе «проклятые русские вопросы», снова предаемся невеселым размышлениям о том, почему столь богатая природными и человеческими ресурсами страна не может выбраться из трясины нерешенных социальных и экономических проблем.

Неужели витает над нами злой рок? Или, может быть, правда — не разгадана тайна России, обрекающая ее из раза в раз подтверждать справедливость популярной формулы: «Хотели — как лучше, а получилось — как всегда»? Провалам и неудачам всегда можно найти много причин: и субъективных, и объективных, и даже мистических. Но в любом случае на смену нереализованным высоким устремлениям неизбежно приходят разочарование, уныние, ощущение безысходности...

История Россия знала два типа реформ. Первый — олицетворяемый фигурами Петра Великого и Сталина — преследовал цель укрепить мощь государства за счет максимальной мобилизации всех ресурсов общества. Вторым — воплощенный в деятельности Александра II и Петра Столыпина — представлял собой попытку использовать в созидательных целях потенциал, высвобождающийся в процессе раскрепощения. Столыпинские реформы не были безрезультатными, но в конечном счете они завершились грандиозным откатом назад и новым — сталинским — закрепощением. Произошел возврат к известной парадигме: великодержавность за счет народа и его свободы. Однако и этот вариант оказался недолговечным, а в итоге — тупиковым.

Сегодня нас во многом вдохновляют те же идеи, что в свое время побуждали действовать творцов Великих реформ и руководили Столыпиным. Но, приступая к масштабным преобразованиям, новейшие российские реформаторы не сочли нужным проанализировать опыт своих предшественников, не удосужились задуматься над причинами их всем известных побед и конечных поражений. Люди, взявшие на себя смелость начать преобразования, приступили к работе, не имея — да и не желая иметь — представления ни об особенностях страны, ни о возможной реакции сограждан на предлагаемые реформы.

Цена такому пренебрежению оказалась очень высока. Насколько легче и безболезненнее могли бы идти преобразования, если бы их зачинщики четко представляли, куда и зачем хотят приплыть, насколько увереннее чувствовали бы себя люди, если бы знали маршрут и порт назначения!

Справедливости ради надо сказать, что историческая ситуация не располагала к долгим размышлениям. Как будто распахнулись внезапно двери тюремного барака, и обитатели его в едином порыве — «скорее из этого кошмара!» — бросились в разные стороны, не разбирая дороги и не замечая препятствий, стоящих у них на пути...

Прежний общественный строй рухнул в одночасье, но порожденный им строй мыслей (вот он, пресловутый «призрак коммунизма»!) продолжал господствовать над умами, подтверждая мысль основоположника, что «традиции всех мертвых поколений, как кошмар, тяготеют над умами живых». Одни — безусловно способные и неглупые люди — только и могли, что рассуждать невразумительно о «шведской модели» и «китайском опыте». Другие — несмотря на всю свою молодость и образование — оказались не меньшими догматиками, чем «старая гвардия». Для них все было очень просто и ясно: есть страны, где люди живут хорошо, — значит, надо все устроить точно так же, как там. И эта немудреная мысль вызывала поначалу подлинный энтузиазм. Голоса немногих трезвых политиков заглушал всеобщий ликующий хор. Прочь сомнения! Еще немного, и мы в России будем жить не хуже, чем на вожделенном Западе!

И никто не вспомнил мудрые слова Василия Осиповича Ключевского: «Закон жизни отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созреет для реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро». Всеобщая эйфория в связи с открывшимися перспективами напрочь заглушила голос разума.

Возможно, это еще одна печальная особенность нашей истории — обретая свободу и выстраивая новую жизнь, мы сохраняем не лучшие, а худшие стороны старого порядка вещей. Отмена крепостного права была настоящим прорывом, позволившим России к началу XX века по многим параметрам существенно приблизиться к передовым государствам. Но была и другая — теневая — сторона Великих реформ, которую ясно видел их современник, Федор Михайлович Достоевский. «Прежний мир, прежний порядок — очень худой, но все же порядок — отошел безвозвратно. И странное дело: мрачные нравственные стороны прежнего порядка — эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество — не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились и умножились; тогда как из хороших нравственных сторон прежнего быта, которые все же были, почти ничего не осталось». Не так ли и сегодня думаем мы, видя цинизм власть имущих, несправедливо нажитое богатство, коррупцию, упадок нравов, разгул преступности?

Нет никакой «роковой загадки» России. Есть лишь традиция: пытаться проводить масштабные преобразования «сверху», без учета интересов большинства, при отсутствии адекватных юридических и политических механизмов.

Лица, пребывающие у власти в России, испокон веку полагали, что обществу незачем участвовать в делах государства, и не считали нужным ставить рядовых граждан (или подданных) в известность о своих намерениях и планах, о сроках и этапах намечаемых реформ и наконец о той цене, которую за них предстоит заплатить. Российское общество еще никогда в истории не имело возможности сознательно участвовать в преобразова-

ниях и контролировать самих реформаторов. И не покажется после этого удивительным, что и сегодня от реформ у нас выигрывает лишь меньшинство населения, тогда как большинство проигрывает и постепенно лишается перспектив, предается унынию и погружается в апатию. Складываются объективные предпосылки для очередного отката назад, от которого страна по-прежнему не застрахована.

Существующее положение вещей должно быть в корне изменено. Общество имеет право контролировать власть и определять направление и содержание реформ, а это значит, что Россия сегодня остро нуждается в политической организации, помышляющей не о власти ради власти, не о своих корыстных интересах, а об улучшении жизни людей, о возрождении чувства национального достоинства, о лучшей судьбе для своей страны, Мы создали наше «Отечество» для решения именно этих стратегических задач, а не ради лишь участия в очередных выборах и обслуживания текущих потребностей «вождей».

«Отечество» объединило людей дела, умеющих добиваться конкретных результатов, способных осознавать общественные потребности и формулировать цели, последовательно к ним продвигаться, а значит — способных создать партию, выражающую интересы большинства сограждан. Мы пришли всерьез и надолго, а потому должны совершенно ясно представлять, чего хотим добиться, к какому будущему зовем людей. Иными словами, настоящая политическая организация немыслима без **идеологии** — без сплава идей, духовных ценностей и целей, объединяющих ее членов и способных воодушевить, увлечь за собой сограждан, сплотить и консолидировать общество.

Вот почему строительство «Отечества» мы начали с разработки и обсуждения его идеологии, понимая, что люди должны знать, чего мы хотим и к чему стремимся. У нас не было иного пути объяснить, почему можно доверять «(Отечеству)» и связать с ним свои надежды. Так родился на свет краткий документ, определяющий основные ценности и принципы нашей организации, — Манифест «Отечества», — текст которого помещен в этой книге.

Но назвать принципы и обозначить ценности — недостаточно. «Отечество» — организация, открытая для всех, а потому мы заинтересованы в том, чтобы каждый человек имел возможность ознакомиться с предлагаемой нами идеологией, узнать, каким путем мы пришли к конечным выводам, как обосновываем их, как намерены реализовывать свои задачи. Мы надеемся, что помочь этому сможет предлагаемая на суд читателей книга.

Блеск и нищета идеологий

Уже само слово «идеология» вызывает у большинства наших соотечественников весьма негативные эмоции, и причин тому немало.

В общественном сознании за этим понятием закрепился неверный смысл: идеология воспринимается как некое средство «промыывания мозгов», как способ убедить большинство, что частные интересы той или иной группы являются интересами всего общества. А говоря проще, как красивые слова, маскирующие действительные цели той или иной группы. Речь, конечно же, идет о самой обычной демагогии — происходит элементарная терминологическая путаница, в которой следует разобраться.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова демагогия определяется как «основанное на намеренном извращении фактов воздействие на чувства, инстинкты малосознательной части масс». Идеология же трактуется как «система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество». Иными словами, идеология, в отличие от демагогии, — это совокупность определенных воззрений и убеждений.

Но правильно ли в этом случае ссылаться не на философский или политологический трактат, а на словарь русского языка в качестве авторитета? Думается, для этого есть все основания, поскольку толковый словарь, менее других зависящий от политической конъюнктуры, дает наименее политизированное, а значит, наиболее «чистое» значение слова. Значение, общее для всех людей, говорящих на данном языке.

На вопрос: «Есть ли сейчас в России идеология, которая выражала бы мировосприятие, цели и надежды большей части россиян, которая указывала бы выход из кризисного состояния и намечала, бы достойный и безопасный путь в будущее?» — мы вынуждены дать отрицательный ответ. Существой такая идеология, перед «Отечеством» не встала бы настоящая необходимость в создании собственной.

Не раз и не два приходилось слышать мнение, что наши претензии на Создание собственной идеологии не имеют под Собой почвы, что речь может идти только о выборе между тем, что уже есть, уже устоялось, то есть о выборе между левыми, центристскими и правыми идейными традициями.

Но знание истории заставляет усомниться в безусловной истинности подобных утверждений. Опыт свидетельствует: любая импортная идеология, привитая на нашем древе, приобретает собственное — российское — обличив, свои специфические качественные характеристики. Российский марксизм — это уже не марксизм Маркса и Энгельса, а большевизм. И отечественный либерализм не тождествен либерализму в западном понимании этого слова: у нас он обрел знакомые «большевистские» черты, едва только был пересажен на российскую посткоммунистическую почву.

В современном мире нет такой «готовой» идеологии, которую можно было бы заимствовать, рассчитывая, что она сразу же укоренится в сегодняшней России, не подвергнувшись существенным искажениям. А из нашего недавнего прошлого заимствовать его идейные основы попросту вредно.

Ясно, что нам не по пути с нынешними российскими **коммунистами**. Мы категорически отвергаем идею «красного» реванша и возвращения в «светлое коммунистическое прошлое»: Последствия Легко Предсказуемы: отмена гражданских свобод, включая свободу печати, снова «железный занавес» и другие «прелести» старой жизни. Мы категорически отвергаем реабилитацию сталинизма, под какими бы благовидными державными предложениями она ни происходила!

Для нас неприемлемы характерные для КПРФ принципы двойной морали. Невозможно совместить патриотизм в его глубинном значении как заботу о судьбах Отечества с апологетикой сталинизма, сознательно уничтожавшего наиболее образованную, работающую, достойную часть российской нации. КПРФ подчеркнуто скорбит о жертвах гражданского конфликта в центре Москвы в октябре 1993 года, вина за который лежит на бывшем президенте и бывшем Верховным Совете, но не желает и вспоминать о жертвах Гражданской войны, коллективизации, массовых репрессий 30-х годов,

КПРФ, независимо от субъективных намерений ее руководства, заражена аморализмом, ибо подчеркивает свою верность принципам революционной «законности», классового подхода в морали, служившим в свое время оправданием для репрессий советской эпохи. Мы же стремимся к тому, чтобы каждый житель великой России был уверен: никто, никогда не ограничит его личные гражданские свободы. Лагеря, репрессии, государственный террор, всеобщий обман народа, мы надеемся, навсегда ушли в прошлое.

КПРФ, при самом объективном и честном отношении к ней, все же не имеет будущего, ибо боится его. Они, наши «левые патриоты», любят Россию, но ту, которой уже нет, — большевистскую, советскую Россию, исчерпавшую свой исторический ресурс.

Разумеется, можно возразить, что сказанное относится к порокам и недостаткам нашей отечественной (как прошлой, так и нынешней) компартии, однако само по себе марксистское учение — истинно и справедливо, а потому надо не отказываться от него, а всего лишь восстановить его первоизданную чистоту.

Но для нас полностью неприемлемо само по себе деление людей по классовому признаку на «овнов» и «.козлиц», на «чистых» и «нечистых». Ведь именно это разделение стоило России рек крови,

И это не все. Предположим на Мит, что можно взять у марксизма одно только экономическое учение, — и тут же выяснит-

ся, что теория, которая (а этого у нее никто отнять, конечно, не может) была в свое время великим научным достижением и прекрасно описывала и объясняла европейские экономические реалии второй половины XIX века, во многом устарела и не может служить компасом в сложном современном мире. Цепляться за нее сегодня было бы опасным анахронизмом.

Не менее глубокий кризис, чем КПРФ, переживает и наш отечественный **либерализм**. Он морально дискредитировал себя, ибо его эксперименты начала 90-х годов были во многом повторением — но только зеркальным — большевистской атаки на капитал и сталинской коллективизации.

Наши либералы мыслили категориями 20 — 30-х годов: «лес рубят — щепки летят» «цель оправдывает средства», «за ценой не постоим», отличаясь поразительным доктринерством, революционной нетерпимостью и безжалостностью к судьбе простых людей. При таком отношении к преобразованиям огромной страны с многомиллионным и многонациональным населением цена эксперимента — экономическая, политическая, социальная, человеческая — не могла не подскочить до грани национальной катастрофы. Недомыслие, да еще в сочетании с нетерпением и душевной черствостью, всегда приводит к трагедии.

Наши российские либералы не имеют права называться либералами, правыми, в европейском смысле слова. Благодаря их «деятельности» ценности либерализма в нашей стране не столько утверждались, сколько дискредитировались. Принцип «священной частной собственности» у них не был подкреплен ценностями государства, семьи, религии, нации, традиций. Напротив, российские либералы, как и большевики, объявили своему государству, его традициям, национальным ценностям священную войну. Им вообще была чужда государственническая, национальная идея. Патриотизм был для них «прибежищем негодяев».

Либеральные «демократы» выросли из примитивного отрицания прошлого. Они были убеждены, что нельзя реализовать права и свободы личности, не разрушив все несущие основы советского государства, что нельзя возродить рынок, не уничтожив до основания плановое регулирование экономики, что не-

льзя стать «цивилизованным человеком», не вытравив из своей души национальное самосознание. Они имели самые смутные представления об экономике, которую взялись реформировать. Они не скрывали своего безразличия к судьбе государства, в котором родились и выросли, Разрушая основные атрибуты государства, они создали невиданную по масштабам, цинизму и безнаказанности систему коррупции, разворовывания собственности страны. Их методы «шоковой^терапии» объективно нанесли громадный урон национальной безопасности, общественному производству, духовному здоровью людей, особенно молодежи.

Но мы — реалисты, и не вправе забывать, что либералы 90-х пришли к власти на волне определенных общественных настроений. Не будь нашего традиционного российского нетерпения, веры в чудо, стремления решить сложнейшие проблемы сразу, при помощи модных западных теорий, не было бы разрушительной «шоковой терапии», устроенной людьми, которые сами себя называют сегодня безответственными упрощенцами.

Не означает ли это, что все недостатки наших либералов происходят из того, что они вовсе никакие не либералы? Может быть, плох не сам либерализм как учение, а никуда не годятся его российские интерпретаторы?

Подобные предположения игнорируют тот кризис, который сегодня переживает либерализм не только в России, но и во всем мире. В этом его судьба во многом схожа с судьбой марксизма и вообще любой идейной системы, основанной на одностороннем взгляде на мир и на человека.

Либерализм основан на вере: во всемогущество экономики как главного двигателя человеческой активности, на убеждении, что фундаментальным качеством человека является индивидуализм, ставший материальной силой Нового времени. Об ограниченности подобного взгляда и рожденном им кризисе мы еще поговорим позже, а пока отметим лишь, что подобное мировоззрение едва ли способно дать России созидательный импульс.

Прыгая на одной ноге, далеко не убежишь. В каждом человеке, независимо от его национальности, естественно сочетаются

противоположные начала: индивидуальное и коллективное; личное и общественное; эгоизм и альтруизм; стремление к личной свободе и забота об общем порядке, воплощенном в государстве. Именно в их гармоничном единении — залог будущего страны. И любая идеология, которая пытается отсечь одно из них, перспективы не имеет. Разумеется, полностью вытравить из нашего соотечественника коллективистское начало либерализму никогда не удастся, но вот покорезжить он может многое.

У «Отечества» много общего с европейскими **социал-демократами**, которые, в отличие от наших прежних и нынешних коммунистов, борются не с богатыми, а с общей бедностью. Но объявлять себя социал-демократами мы все же не спешим.

В России многие до сих пор понимают само слово «социализм» извращенно, отождествляя его с уравниловкой и подавлением личной свободы, с неприятием богатства и равенством в бедности. Нам еще предстоит — а это так непросто — объяснить людям, что у социализма бывает и другое лицо, что ценности Свободы, Солидарности, Справедливости, исповедуемые социал-демократами в Европе, с коммунистической идеологией в ее советском варианте ничего общего не имеют.

Нам предстоит объяснить и то, что социальная демократия (или демократический социализм) возникла и утвердилась в европейских странах как альтернатива всевластию частного капитала, а не как способ его огосударствления, как средство распространения политической демократии на социально-экономическую повседневность, а не как средство устранения политической демократии как таковой.

Мы разделяем ценности, принципы и методы социал-демократии, к примеру принцип «шанс — сильному, защиту — слабому». «Отечество» активно поддерживает социал-демократическую идею общества равных возможностей. Но к такому обществу нам еще идти и идти. Здесь не только в экономике, но и в сознании людей неизбежен длительный переходный период.

Сегодня часто говорят о **консерватизме** как об идеологии, отвечающей потребностям российского общества. Но и здесь имеет место некоторое недопонимание. Да, мы сторонники со-

хранения добрых традиций. Но традиция традиции рознь. Традиция может выступать как предрассудок, рутина, миф, как способ и форма консервации отживших общественных форм. Сказанное не означает, что историческое прошлое несет потомкам одни предрассудки и заблуждения, ошибки и иллюзии и каждое поколение должно отринуть все, что было, чтобы иметь возможность строить свою жизнь.

Наша точка зрения, как было уже отмечено, не является антитрадиционалистской. Под доброй традицией мы понимаем культурно-историческую традицию, в которой происходят накопление и закрепление общественного опыта. Это живая традиция, которая может развиваться, обогащаться, обновляться. Нам одинаково чужды как нигилизм, так и всеядность, апология прошлого. Мы желаем сберечь все духовное, интеллектуальное, культурное богатство, накопленное народами нашего Отечества за многие века.

В странах, где развитие проходило относительно стабильно и равномерно, такая верность традициям, стремление максимально сберечь устоявшийся уклад жизни, удержать его в привычных рамках становятся идейной основой консервативной политики. Ее опора — удовлетворенность существующим положением дел, нежелание кардинальных перемен и отсюда — крайняя осторожность в любых преобразованиях.

Но так ли уж много сегодня в России людей, полностью удовлетворенных жизнью и не желающих в ней ничего менять? А если понимать консерватизм, как возрождение того, что было раньше, нужно ответить на вопрос: ценности и уклад какого именно этапа нашего прошлого следует сберечь? Допетровской Руси? Или, быть может, царского абсолютизма и крепостного права? Бурного развития капитализма начала XX века? Военного коммунизма? Нэпа? Сталинской тирании? Брежневского застоя? Перестройки? Как видите, у консерватизма может оказаться очень много лиц.

Определение «консервативная» ровным счетом ничего не говорит о содержании соответствующей идеологии. Консерваторами у нас вправе считать себя и монархисты, и коммунисты, и

правые, и левые. Мы уже не говорим о том, что выбор любого варианта потребует решительной ломки всего существующего порядка, что противоречит самой сути консерватизма как идеологии и политики.

Иногда приходится слышать и о некоей **центристской** идеологии. Это представляется недоразумением. Центризм — не идеология, а политическая позиция. Центристом в том или ином вопросе может быть носитель любой идейной позиции. А стремление быть в геометрическом центре по любому вопросу говорит не об идейной позиции, а об ее отсутствии.

«Ну вот, — может сказать читатель, — и то им не подходит, и это. Неужто «Отечество» все собирается придумывать заново?»

Нет, мы не собираемся самонадеянно и бездумно отбрасывать плоды многовековых исканий общественной мысли и видим здоровые зерна в каждом ее направлении. Для нас все упирается в вопрос о **мере**. Мере по праву называют «искусством всего» — в любом деле успех зависит от умения ее определить и соблюсти. Так и в идеологии: неумеренное стремление к справедливости ведет к господству чудовищной несправедливости, безмерная верность традициям оборачивается застоєм, чрезмерная жажда обновления отрывает от корней и расшатывает общественный организм.

Мы принимаем многое из существующих идеологических систем — но принимаем в мере, определяемой особенностями нашей страны, целями, которые мы ставим перед собой, добиваясь гармоничного сочетания разных элементов. А наши цели вытекают из настроений и запросов, преобладающих в российском обществе.

Живая, подлинно массовая идеология в кабинете родиться не может. Она стихийно и ежечасно зарождается в сознании, мечтах, нелегких поисках и надеждах миллионов людей — людей, страстно ищущих ответы на вопросы, жестко задаваемые повседневной жизнью, людей, энергично стремящихся изменить свою жизнь к лучшему и порой уже потерявших надежду на это. Равнодействующая их движений и диктует нам меру,

пропорцию, в которой будут соединяться давно вынашиваемые человечеством идеи.

Конечно, массовые идейные искания всегда фрагментарны и противоречивы, но они искренни, а потому — глубоко жизненны. Попытки построить идеологию без искреннего сопереживания нуждам людей, их поискам «правды» — безнадежны и безнравственны. Увлечь и сплотить людей могут только такие идеи, которые действительно вырастают из самых глубин народной жизни. Необходимо услышать людей, привести ответы на их надежды и чаяния в целостную систему — идеологию новой России.

Сделать это очень не просто. Глубокий социальный и духовный кризис, переживаемый сейчас нашим обществом, — благодатное время для идеологических провокаторов и шарлатанов. Вытаскиваются на свет обветшалые схемы возврата в «светлое прошлое», идет пропаганда националистических и даже откровенно нацистских идей. С другой стороны, нам навязчиво предлагают повторить монетаристский эксперимент, доведя его на этот раз «до конца».

Настала пора перевернуть эту Страницу духовного безвременья, связав в единое целое осмысление истоков великого прошлого России, причин ее сегодняшних невзгод, путей вывода страны из кризиса. Только в этом случае наши идеологические поиски будут созидательными.

Сегодня ясно, что в идеологии не приемлют ни общество, ни подавляющая часть интеллектуальной элиты. Общество уже не может мириться с отрывом политики от морали. Нет на свете такой идеи или теории, во имя которых можно было бы жертвовать счастьем и благосостоянием ныне живущих людей. Изжил себя политический максимализм — стремление к полной и окончательной победе над политическим противником. Изжила себя идеология антагонизма, конфронтационности. Современная Россия стремится к диалогу, сотрудничеству, компромиссу, согласию.

Такова реальная идеологическая ситуация в стране. Таков в общих чертах коридор возможностей и запретов, внутри кото-

рого можно выстраивать идеологию, адекватную запросам и ожиданиям современников. Нынешний кризис России в первую очередь проявляется в дефиците работающих идей. Вот те объективные причины, из-за которых «Отечество» вынуждено сегодня заниматься не только партийным, но и идеологическим строительством, самостоятельно искать выход из идейного тупика.

Наша задача — создать идеологию, способную пробудить в людях деятельную веру в великое будущее России, отринуть скепсис и недоверие, сплотить энергичных и ответственных граждан вокруг животворной созидательной программы преобразований нашей общей страны.

Россия вчера и сегодня

Начнем историю с чистого листа», — предлагают либералы-реформаторы.

Они говорят: сегодня мы наконец-то выбрались с тупиковых боковых тропок на столбовую дорогу, по которой движется все цивилизованное человечество. Так зачем тащить с собой груз прошлого? Если история России — не более чем неудачный черновик, длинный перечень ошибок и заблуждений, то надо сжечь черновики и начать писать набело.

Знакомые речи. Такое у нас уже говорилось, и не раз. Например, ортодоксальные коммунисты до сих пор уверены, что «настоящая» история России началась в 1917-м. Разница в исчислении исторического времени у коммунистов и либералов совсем невелика. Всего лишь каких-нибудь лет восемьдесят...

Характерно, что ни те, ни другие не сознают, что уже одно только это стремление каждый раз начинать с чистого листа приковывает их к нашей истории крепкими узами. Сами того не замечая, желающие сбрасывать прошлое «с корабля современности» следуют привычной колеи российского исторического сознания. Смена политического режима в России издавна становилась поводом для того, чтобы «перечеркнуть» прошлое и начать отсчет истории заново.

Объяснение этому явлению найти несложно. **История России понимается у нас прежде всего как история государства, как история власти.** Перед официальной отечественной исторической наукой во все времена стояла задача доказать, что новая власть лучше прежней.

Надеемся, эта дурная традиция исчерпана. Но отказ от нее не лишает нас истории. Для нас история — это не-

прерывный процесс, охватывающий все общество, где нераздельно слиты прошлое, настоящее и будущее. От прошлого невозможно отказаться, его нельзя зачеркнуть по той простой причине, что оно активно действует в настоящем. Именно прошлое во многом определяет наш национальный характер, нравы, наше отношение к жизни и даже общественное устройство.

Можно ли вообразить человека, который смог отречься от всей прожитой жизни: от первых детских впечатлений, родительских наставлений, перенесенных болезней, радостей и горестей, удач и неудач? Надо ли говорить, что сделать это невозможно?! Личность каждого из нас формирует жизненный опыт. На характер человека влияет даже то, что он «испытал» еще в материнской утробе. Так что если кто-то исхитрился и полностью сбросил с себя груз пережитого, то — неизбежно — вместе с прошлым он уничтожил и самого себя. Это не обновление, а страшная болезнь — распад личности.

Для общества разрушение связи времен столь же губительно. Но отсюда вовсе не следует, что мы должны только слепо гордиться и любоваться своим прошлым. Это столь же нелепо, как и стыдиться его. Зрелое общество смотрит в прошлое спокойным и ясным взором. Оно не порочит и не оправдывает все то, что было. Главное — понять былое. Без этого мы не сможем осмыслить настоящее и найти свой путь в будущем, не сможем построить идеологию, связанную с реальной жизнью и с исторической перспективой.

И тут чрезвычайно важно найти верный наблюдательный пункт, понять, на что в первую очередь следует обращать внимание. В свое время Николай Бердяев отметил, что история России — это прежде всего ее география. Ему вторит современный исследователь Николай Цимбаев: нашу историю «должно понимать и изучать не только в определенной хронологической последовательности, но и в географическом развертывании». Это очень верно, ибо на становление нашего государственного устройства, на формирование национального характера немалое влияние оказала земля, на которой мы живем.

Россия раскинулась на огромных пространствах Европы и Азии, заселение и освоение которых началось в незапамятные времена. Области Великого Новгорода и Смоленска изначально были частью Киевской Руси. А потом из южных земель, с берегов Днепра наши предки, побуждаемые бесконечными набегами степных кочевников, двинулись осваивать область Оки и Верхней Волги.

Как писал Сергей Соловьев, «в русской истории мы замечаем то главное явление, что государство, при расширении своих владений, занимает обширные пустые пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации; господствующее племя славянское выводит поселения свои все далее и далее в глубь востока».

Впрочем, эти обширные пространства далеко не всегда оказывались пустыми. Заселяя их, славяне вступали в сложные взаимоотношения с местными народами. Торговали, рождались, смешивались, мирно жили бок о бок друг с другом, а порой и бились насмерть. То было суровое время, которое нельзя судить по сегодняшним меркам. Можно сказать лишь одно: за всю историю Российского государства не был целенаправленно истреблен ни один народ, ни одно племя. Вспомним для сравнения, как «цивилизованные» европейцы, заселяя Северную и Южную Америку, поголовно уничтожали индейские племена.

Освоение земель, на которых раскинулось государство Российское, длилось много веков, требуя предельного напряжения народных сил и огромных жертв. Не закончено оно полностью и по сей день. Этот размах пространств и ставят сегодня России в вину ее сегодняшние критики. «Стоило ли, — вопрошают они, — расширяться такой ценой? Не лучше ли было просто осваивать ту небольшую часть земли, которую дал Бог, как это делали прочие, «нормальные» европейские народы...»

На этот вопрос нет ответа. Более того, задавать его бессмысленно, поскольку изменить прошлое невозможно. Кроме того, от большинства других народов Европы у нас в этом было лишь одно отличие, подмеченное еще Сергеем Соловьевым: «всем племенам Европы завещано историей высылать поселения в

другие части света западным европейским племенам суждено совершать это дело морским, восточному племени — славянскому, сухим путем».

Мы шли посуху, Россия не создавала колоний на заморских территориях, а постепенно разрасталась за счет близлежащих земель. Объясняется это нашим географическим положением — на окраине европейской ойкумены. А вообще в Европе не много было народов, которые на протяжении всей истории оставались бы «в своих границах». Не только Англия, Германия и Франция, но и ныне тихие и мирные Бельгия, Голландия, Испания, Италия, Португалия, Швеция развивались за счет порабощения чужих народов. Да и со своими согражданами, а также с «цивилизованными» соседями правители этих стран далеко не всегда церемонились, что известно любому, кто смотрит на историю без предвзятости.

Народам России судьба отвела суровый край — необъятные пространства, где на большей части территории царствует северный, континентальный климат. И это вынуждало наших предков вести хозяйство так, как только и позволяли столь суровые условия. Они боролись за выживание. Ни на накопление, ни на хозяйственные эксперименты сил почти не оставалось. Крестьянин просто не мог отступить от привычного жизненного и хозяйственного уклада, проверенного временем. Неудачный опыт грозил голодной смертью ему и всей его семье.

Так за многие века сложились такие черты нашего народного характера, как терпеливость и приверженность традициям с одной стороны и дефицит частной инициативы — с другой. Оттого и установка на личное накопление, и предприимчивость появились у нас позже, чем на Западе, где условия жизни куда благоприятнее.

Российские пространства во многом определили и характер взаимоотношений народа и государства. Чтобы эффективно управлять столь огромной территорией, требовалась жесткая централизация власти. Слишком уж далеко друг от друга были разбросаны местные мирки, слишком уж слабой была связь между ними. А власть сковывала их воедино железной цепью.

Она диктовала все — от политической системы до способов ведения хозяйства.

Мощное централизованное государство сложилось у нас намного раньше, чем в Западной Европе, не считая, разумеется, античных времен. Но надо понимать, что это одновременно и наше благо, и наша беда. Власть так туго пеленала свой народ по рукам и ногам, что не давала ему сделать ни одного самостоятельного шага. У нас так и не сложились ни профессиональные корпорации, ни религиозные ордена, ставшие в Европе зародышами гражданского общества.

И вот что еще примечательно — власть у нас издавна не только погоняла, но и подгоняла. Именно от нее исходили все попытки модернизации страны и общества. Надо было догонять легких на подъем соседей — западные государства. И всякий раз модернизация происходила рывком. Сколько их насчитывается в нашей истории!

За примерами далеко ходить не надо. Они хорошо известны — от Петра Великого до Михаила Горбачева. Всякий раз реформы проводились во благо государства, а не народа. Всякий раз власть преследовала собственные, зачастую непонятные населению, политические и экономические цели. И оттого народ всякий раз активно сопротивлялся этим попыткам.

«Как же так? — могут возразить нам. — Ведь вся страна встретила Перестройку с надеждой и энтузиазмом!»

Да, встретила. Но это вовсе не означает, что представления людей и власти о сути предполагаемых реформ совпадали, что власть интересовалась мнением людей на этот счет. Что же касается надежд и энтузиазма, то это тоже — давняя особенность российской истории. Маятник общественно-политических процессов у нас постоянно качается между двумя противоположными полюсами — слепой верой во власть и полным в ней разочарованием, между усилением государства и его ослаблением, между реформами и новым откатом назад.

И сегодня, второй раз на протяжении одного XX века, Россия, рванувшись в будущее, отбрасывается назад. После рево-

люции 1917 года, после индустриализации и культурной революции произошел возврат страны в эпоху крепостного права. С одной стороны, сверхдержава с мощным научно-техническим потенциалом, высоким уровнем развития науки, лидирующей по многим важнейшим направлениям, образования, здравоохранения и т. д.

А с другой — практически полное отсутствие реальных гражданских свобод, централизация всего и вся, доведенная до абсурда система всевозможных запретов и ограничений. И в итоге — новый кризис.

Реформы 90-х годов дали еще более парадоксальные результаты — Россию как бы разорвало между различными эпохами. Мы в мгновение ока шагнули в эру информационных технологий, свободы слова и прочих демократических свобод. И, в то же время, Россия опять отшатнулась в феодальное прошлое.

Речь идет не о тех явных бедствиях, которые принесли с собой реформы. Они всем хорошо известны, и большая часть живущих в России испытывает их на себе.

Дело в другом — неумело проведенная модернизация ударила и по самому государству, резко ослабив его. Сегодня все кому не лень растаскивают — кто по крохам, а кто и огромными кусками — то, что должно принадлежать государству, народу. Правособирать налоги, устанавливать справедливость, обеспечивать безопасность людей ныне делят между собой криминальные структуры, а также военизированные и охранные подразделения, принадлежащие различным ведомствам, организациям и даже частным лицам. Все, как во времена феодальной раздробленности, когда князья с дружиной вершили суд и собирали дань с подвластных им людишек.

Ослабление государства сказалось на всем. На промышленности, науке, системе образования, здравоохранения, на социальной защите граждан. Не случайно многие ученые (в том числе и западные) утверждают, что происходящее не только не следует называть модернизацией, а, напротив, надо обозначать термином прямо противоположным — «демомодернизация».

Нам надо не просто серьезно думать о том, как выйти из этого состояния, но и определить, в каком направлении двигаться дальше. Наше историческое прошлое, переходящее в настоящее, ставит нас перед коренным вопросом: что нужно делать, чтобы соединить, наконец, то, что в России доселе прочно соединить не удавалось: **гражданские свободы и сильное деспотическое государство?**

А поиски ответа на этот вопрос непременно приводят к следующему: пытаться ли нам повторить опыт иных стран и народов, сумевших успешно решить такую задачу, или искать свое собственное ей решение.

«Сфинкс, слоющийся перед Европой»

Мы стоим, как сказочный витязь на распутье у дорожного камня, указывающего два пути. Один — «**Особый путь России**». Другой — «**Столбовая дорога цивилизации**».

Характерно, что и те, кто вещает об особом пути России, и те, кто призывает ее вернуться в лоно «нормальных» государств, исходят из общей неверной предпосылки: существуют, дескать, некие образцовые, «нормальные», «неособые», так сказать, «цивилизованные» страны и государства; и существует Россия — изолированная часть человечества, которой еще только предстоит либо окончательно обособиться и пойти своей дорогой, либо наконец-то влиться в некий магистральный исторический поток.

Сторонники так называемого «нормального» пути утверждают, что в России сейчас протекает обычный процесс, какой переживает любая страна, вставшая на путь демократизации. А следовательно, убеждают они, достаточно точно выполнять стандартные рецепты, и все само собой образуется.

Хорошо бы, коли так! Но пресловутые стандартные рецепты и сценарии, годные на все случаи жизни — не более чем миф. В каждой конкретной стране модернизация проходила по-своему, и особенности ее определялись уникальным сочетанием множества параметров, в числе которых были (а возможно, и играли первостепенную роль) и местные историко-культурные особенности.

Поэтому, по нашему глубокому убеждению, следует говорить не о «модернизации» в единственном числе, а об отличных одна от другой модернизациях. Можно ли, в самом деле, сравнивать путь, пройденный, скажем, Японией, с процессами становления современной экономики и гражданского общества в Соединенных Штатах?

И в этом смысле России действительно предстоит идти своим уникальным путем. Столь же уникальным, как уникален путь любой другой страны в мире. Что отнюдь не означает, что Россия стоит или когда-либо стояла особняком, в стороне от мировых процессов.

Нашу историю невозможно рассматривать в отрыве от западной. И наоборот. История Европы немыслима без истории России. Речь идет даже не о том, что Россия, как щит, заслонила Европу от монгольского нашествия, предоставив западным странам возможность развиваться в благоприятных условиях. Мы говорим не о столетиях общего противоборства с Османской империей, не о совместной борьбе многих народов Европы с Наполеоном, не о Первой мировой войне, не о роли России в разгроме фашизма... Все это общеизвестно.

Но мало кто, к сожалению, учитывает то мощное идейное и культурное взаимовлияние, которое оказывали друг на друга Россия и Запад. Сегодня модно говорить, что мы находимся на задворках Европы, без разбору подхватывая рожденные там идеи. Споры нет, европейская мысль действительно часто оказывала на нас какое-то магическое, завораживающее воздействие. Менее известно могучее влияние России на самосознание Запада, на становление европейской философии истории и даже... европейского общественного порядка.

«История образа России становится значимой для истории самосознания Европы в тот момент, когда Европа, или Христианства в смысле *Christianitas* в средневековой доктрине священной истории, перестает рассматривать себя как само собой разумеющийся центр мира... *В качестве ответа на вызов, которым для тогдашней Европы прозвучало появление Москвы на ее восточной границе, и возникло в умах философов истории более ре-*

алистическое европейское самосознание (курсив наш — Ю.Л., А.В.)), — пишет немецкий историк Дитер Гро, автор работы «Россия глазами Европы».

Нельзя не видеть, что образ прошлой и нынешней России во многом складывается сейчас под воздействием западных оценок. И потому важно учитывать, что оценки эти далеко не всегда объективны и беспристрастны, а главное — что сформировались они не сегодня и даже не вчера.

Так, довольно давнее происхождение имеет предрассудок об агрессивности России, об угрозе миру, исходящей от «верхней Вольты с ядерными ракетами», как нас порой именуют некоторые не особенно дальновидные остроумцы. «Этот народ с лицом человека и туловищем льва есть Сфинкс, который стоит перед современной Европой и задает ей задачу — истолковать загадку будущего. Глаза этого чудовища неотрывно направлены на Европу, львиные лапы подняты и изготовлены к удару; если Европа ответит на вопрос — она спасена; но если она перестанет трудиться над этим вопросом, оставит его или предоставит делу случаю, то станет добычей Сфинкса, который прижмет ее с железной силой», — писал Бруно Бауэр в сочинении «Русская Церковь», вышедшем в свет в 1855 году, когда никаких ракет не было и в помине.

Впрочем, отношение к России исстари оказывалось двойственным. Сейчас, пожалуй, трудно представить, что не раз на протяжении последних столетий передовые европейские умы смотрели на Россию с надеждой, видя в ней осуществляющийся прообраз будущего совершенного государства. Яркий тому пример — Лейбниц, которому император Петр Великий виделся идеальным просвещенным правителем, а Россия — своего рода *tabula rasa*, «как бы некой новой землей, которую следует распахать», чтобы посеять то, что невозможно было в ту эпоху вырастить в Европе. Да что говорить! Еще сравнительно недавно, в 30-е годы уходящего века, многие европейские интеллигенты видели в советской России пример для подражания...

Но немало было и духовных разногласий, уходящих своими корнями в далекое прошлое. Эпоха Петра Великого и турецкие

войны Екатерины II; три раздела Речи Посполитой; Французская революция, наполеоновские войны, поражение Наполеона в России и вступление Александра I в Париж; польское восстание; Крымская война; участие России в судьбе балканских стран — вот тот фон, на котором развивалось это противостояние. В зависимости от конкретной политической ситуации менялось и отношение западных стран к России. Ее то стремились заключить в объятия, то снова пытались вытолкнуть из круга. О нашем бурном столетии и говорить не приходится. Именно в XX веке противостояние обострилось как никогда, достигнув уровня «холодной войны», затянувшейся на десятилетия.

Сменялись времена и эпохи, мелькали события, а некий общий шаблон, архетип, который Запад примеряет к России, продолжал переходить из века в век и лишь облекался каждый раз в новые одежды в соответствии с модой времени.

Вот лишь один пример. Если в наши дни представления о «нормальном» государстве ассоциируются с рынком и демократией, то в прошлом они были связаны с принадлежностью к христианскому миру. России в праве на эту принадлежность отказывали не раз. Так, гроссмейстер рыцарского ордена, который в конце XV — начале XVI века вел войну с Россией, просил о помощи против «перепачканных руссов», или «против нечестивых врагов имени Христова» (1502). А шведский наместник Стен Стуре в 1517 году видел в русских только «схизматиков и врагов Христова имени». Если прежде нас причисляли к «варварам», то сейчас отказывают в праве считаться развитым государством и относят аж к «третьему миру».

Есть, однако, и мотивы, которые пришли из прошлого без изменений. Это, в частности, убеждение, что российскому менталитету чуждо понятие «свобода». Еще без малого четыре сотни лет назад Джон Барклей в своей «Icon Animorum» (1607), зеркале нравов европейских народов, характеризует россиян так: «племя, рожденное для рабства, враждебное всякой свободе, оно не бунтует, только если его подавляют». Знакомая песня, которую и сегодня готовы подхватить иные наши соотечественники.

Отсюда следует весьма важный вывод. То, что Запад сегодня думает и говорит о нас, в немалой степени обусловлено не только нынешним состоянием России, но и многовековой традицией. И не следует непременно искать дурной умысел. Надо всего лишь понимать, что наши соседи просто не умеют думать по-иному, что они привыкли относиться к нам именно так.

Однако Бог с ним — с соседским мнением. Изменить его трудно, для этого могут потребоваться не просто годы — десятилетия. Важно другое: наше собственное мнение о своей стране, о себе, о своих национальных особенностях не должно зависеть от чужеземных суждений. Знать их, учитывать их — нелишне, руководствоваться ими — не уважать себя. Собственное мнение должно быть действительно собственным.

На свою беду Россия не раз в своей истории перенимала наиболее радикальные европейские идеи, проявляя невероятную прыть в их практическом осуществлении. Вот еще одна цитата из Дитера Гро: «наверное, можно сказать, что русские поймали европейское XIX столетие на слове: радикализация того, что было заложено в европейской истории, оказалась возможной в России, где для этого сложились благоприятные условия. Поэтому в России смогли полностью развиться утопические составные западноевропейской философии истории (курсив наш — Ю.Л., А. В.). К этому добавилось еще то, что в русской истории примерно совпали политическая и индустриальная революции. Без связи русского духа с социализмом — то есть если бы Россия в 1917 году не связала свою историю с европейским социализмом и не стала бы отчим домом для европейских левых — она, возможно, не принадлежала бы сегодня к слабо развитым странам...»

Пусть слова о «слаборазвитости» останутся на совести автора, однако, безусловно, верно другое: социализм, которым Запад до сих пор попрекает Россию, — европейское детище. Правда, вырастила его Россия сама, придав ему свои собственные, российские черты.

И не забудем, что этот опыт наш в немалой мере оказался востребован на Западе. Именно под его влиянием и перед ли-

цом угрозы нарастающего социального протеста в самих западных странах произошла глубокая «мутация» капитализма. Американские экономисты Г. Хилл и Р. Тагуэлл, бывшие консультантами президента США Ф. Рузвельта в самые критические годы его правления, свидетельствуют: «в течение многих лет техническая задача разрабатываемых планов регулирования наших сложных экономических проблем была слишком трудна для осуществления. Но сегодня мы знаем, что это более не так, потому что *Россия показала реальность планирования*» (курсив наш — Ю.Л., А.В.).

Короче говоря, Запад, опираясь на опыт коммунистического СССР, смог на практике и вполне успешно осуществить то, к чему мы приступаем только сейчас (делая вид, что делаем это едва ли не впервые в истории): найти способы соединения планирования с рыночным хозяйством и частной собственностью.

Примечательно, что и так называемая «азиатская модель» рынка, которую ставят России в пример, восходит к опыту нашей страны. Более того. Известный американский экономист П. Кругман вообще считает «азиатское чудо» мифом, ссылаясь на то, что «новые индустриальные страны Азии» всего лишь воспроизводят многие черты советского развития.

Все это еще раз показывает, что мир — не шахматная доска, четко разделенная на черные и белые квадраты, где по прямым и косым линиям, соблюдая раз и навсегда установленные правила, перемещаются черные и белые фигуры. Нельзя повторять ошибки недавнего прошлого, когда за безоглядное следование догмам радикальных утопий и за недоверие к собственному опыту пришлось заплатить огромную цену. Сейчас особенно важно трезво взглянуть на себя, на то, что происходит с нами.

Никто не спорит: России предстоит многое перенять и заимствовать у Запада, который во многих отношениях ушел от нас далеко вперед. Но отсюда вовсе не следует, что восприятие Запада должно быть апологетическим. Это было бы очередным проявлением «передовой» провинциальности, если бы мы стали ориентироваться исключительно на нынешнее состояние западного мира, игнорируя его динамику и всю ту совокупность

проблем, которые перед этим миром сегодня стоят. Игнорируя, говоря иначе, факт его *самокритики*.

А потому не будем спешить. Задержимся еще немного у путевой развилки и посмотрим, куда ведут дороги и куда движется мир в преддверии третьего тысячелетия.

Контурсы современного мира

Многим — и прежде всего реформаторам-либералам — кажется, что, влившись в семейство «цивилизованных стран», мы попадем наконец-то в тихую гавань, где царят порядок и гармония.

Как возникла эта иллюзия, понять нетрудно. Азарт очередной борьбы с «пережитками прошлого» сыграл с российскими либералами злую шутку. Привыкнув рисовать коммунистическое вчера одной черной краской, они по контрасту раскрашивают капиталистическое завтра только в светлые, радужные тона. В их изображении Запад предстает своего рода лучезарным раем. Но что такое, если вдуматься, есть рай? Место, где царят не просто счастье и благодать, но и вечное блаженство. Там настолько хорошо, совершенно, что лучше и быть не может. А потому в раю — по определению — ничто и никогда изменяться не может. Это зона абсолютных стабильности и постоянства.

Стоит ли говорить о том, насколько эта идиллическая картина мало похожа на реальную действительность? Не хотелось бы лишний раз поминать Фрэнсиса Фукуяму и его пресловутый «конец истории» (нынче его концепцию не ругает разве только ленивый), но, как видно, без этого не обойтись. А дело в том, что Фукуяма выбрал чрезвычайно неудачный момент, чтобы во всеуслышание провозгласить: параметры современной мировой системы окончательно, раз и навсегда установились.

Как раз в то время, когда была опубликована знаменитая статья, стало окончательно ясно, что мир стоит на пороге перемен. Причем перемен настолько фундамен-

тальных, настолько существенных, что в их свете концепция Фукуямы предстает отчаянным заклинанием, с помощью которого пытаются удержать рушащееся во время землетрясения здание. (Все это могло бы выглядеть даже забавным, если б не то обстоятельство, что именно в этот самый дом и призывают нас вселиться отечественные реформаторы).

Всего несколько лет спустя другой американский профессор С. Хантингтон опубликовал не менее шумевшую статью о «конфликте цивилизаций», к которому, по его мнению, движется современный мир. А потом были и реальные конфликты — не только на Востоке, но и в самой Европе, на Балканах, наглядно показавшие, как далеко мы еще находимся от устойчивости.

Нет, западный мир не блаженствует в раю. Скорее он вместе со всем человечеством пребывает в Чистилище — месте, где, согласно католическим представлениям, освобождаются от прежних грехов и пороков и готовятся к новой, лучшей жизни (в православной традиции сей процесс очищения и освобождения именуется мытарствами).

Пока еще рано говорить со всей уверенностью, что человечеству на самом деле удастся в скором будущем сбросить с себя все грехи и пороки, однако совершенно ясно, что не только Россия, не только Запад, но и весь сегодняшний мир переживает переходное состояние, когда все находится в брожении, движении, изменении, а смутные, туманные и тревожные контуры грядущего едва вырисовываются на горизонте.

Яркое описание этого состояния дает российский философ Неклесса: «социальный бульон, бурлящий сейчас на планете, явно готов породить на свет новое мироустройство, открыв заново главу всемирной истории. Пружина и внутренняя логика траектории уходящего века — исчерпание исторического пространства Нового времени, фатальный кризис его цивилизационной модели. *Нестабильность, изменчивость социального калейдоскопа парадоксальным образом становятся чуть ли не наиболее устойчивой характеристикой современности* (курсив наш — Ю.Л., А.В.). Происходит интенсивная трансформация общественных институтов, изменение всей социальной, куль-

турной среды обитания человека и параллельно — его взглядов на смысл и цели бытия».

Все это чрезвычайно осложняет России выбор курса. Мы вступаем отнюдь не на тротуар Невского проспекта. Нам предстоит найти свой путь, пробираясь по вздыбленной местности, где мощные тектонические процессы становления нового мира деформируют, ломают, сдвигают привычные старые пласты. И если на воображаемой карте, по которой выверяют свой курс либеральные реформаторы, путеводной звездой сияет заповедная зона под названием «идеальный капитализм», то это — всего лишь мираж. В реальности такой зоны не существует.

«Знакомые речи», — скажет читатель. Слышали, дескать, такое — и не раз — во времена «развитого социализма». И ругали «загнивающий капитализм», и предрекали ему скорый крах, а он живет себе, поживает и никак не сгниет. Не к лицу «Отечеству» петь заодно с коммунистами заведомо устаревшую и поднадоевшую песню...

Не будем спешить, однако, с выводами. Оказывается, сегодня о «светлом капиталистическом будущем» вполне можно писать и так: «бесконтрольный капитализм и распространение рыночных ценностей на все сферы жизни ставят под угрозу будущее нашего открытого и демократического общества. Сегодня главный враг открытого общества — уже не коммунистическая, но капиталистическая угроза».

Кому принадлежат эти слова? Пламенному пропагандисту из КПРФ? Западному леваку-интеллектуалу? Нет, это выдержка из статьи «свобода и ее границы», опубликованной в начале 1997 года в американском журнале «Atlantic Monthly», и автор ее хорошо известен в нашей стране. Его имя — Джордж Сорос. О «капиталистической угрозе» говорит человек, сделавший состояние на мировых финансовых рынках.

Для многих в России слова знаменитого финансиста, должно быть, звучат совершенно неожиданно. Крах «реального социализма» и порожденные им болезненные проблемы полностью поглотили наше внимание, заслонив собой кризис, который переживает его давний соперник и антагонист — капитализм. И

речь не об отдельных пороках и недостатках системы, а об остром кризисе всего мировоззрения, всей ценностной ориентации, лежащей в основе Нового, времени.

Впрочем, первые сигналы тревоги прозвучали очень давно — еще в конце эпохи Ренессанса, когда, собственно, все только начиналось. Именно тогда Запад усомнился в Божьем всемогуществе и избрал в качестве главного руководящего начала человеческий Разум. Рациональность стала основным мерилем всех дел людских, в том числе и устройства общества. Если прежде центром Вселенной был Бог, то теперь его место занял человек. Мало того, Человек стал пониматься крайне упрощенно, исключительно как социальная единица. Все богатство духовных, нравственных, экзистенциальных измерений, определяющих человека, было отброшено за ненадобностью.

Такой подход сохранялся, до самого последнего времени. Главным движущим, руководящим человеком в его деятельности началом считался эгоизм, стремление улучшить свое бытие, свое положение в жизни. Каждый человек заботится о самом себе, не надеясь на других и одновременно стараясь их превзойти. И жизнь в таком контексте предстает как соревнование свободных индивидуумов, участвуя в котором, человек одновременно обустроивает и мир, в котором живет.

Несмотря на всю кажущуюся логичность таких представлений, многие философы видели их ограниченность и даже опасность. В подтверждение этого утверждения можно было бы привести длинный список мыслителей, включающий Блеза Паскаля и Иммануила Канта, Николая Бердяева и Сергея Булгакова, Хосе Ортега-и-Гассета, Эриха Фромма и многих, многих других. К сожалению, опасения философов во многом оправдались.

В середине XX столетия из сферы предсказаний кризис перешел в область реальности. О нем заговорили как о состоявшемся факте, как о «кризисе нашего времени». Приведем его описание, сделанное нашим великим соотечественником, философом и социологом Питиримом Сорокиным: «Это — не просто экономические или политические неурядицы, кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество,

все их главные институты. Это — кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это — кризис форм социальной, политической и экономической организаций, включая формы брака и семьи. Короче говоря, это — кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения, присущих западному обществу. Если быть более точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий».

С того времени, когда были написаны эти строки, прошло без малого полвека, и сегодня мы видим, что кризис не только не пошел на убыль, но и резко обострился. «Рациональное» экономическое поведение, наиболее ярко проявляющее себя в функционировании свободного рынка, не только не установило желаемую гармонию в обществе и в системе «человек — окружающая среда», но, напротив, продолжает ее разрушать.

Главная цель действующей социально-экономической системы — максимальное обогащение живущих сегодня людей. Нормальная рыночная экономика не может развиваться без роста потребления. А рост потребления в свою очередь стимулирует дальнейшее развитие производства и наращивание темпов экономического роста. Развивающееся производство создает все новые и новые товары, подстегивая современного человека их потреблять. Все более развивается и так называемое «престижное потребление». Порочность этого заколдованного круга в том, что в погоне за темпами роста безжалостно и недальновидно расходуются природные ресурсы, загрязняется окружающая среда. Истребление природы зашло настолько далеко, что человечество в конце второго тысячелетия оказалось на грани глобальной экологической катастрофы и думать надо уже не просто о благополучии, а о перспективах выживания человечества.

Перед нами стоит неизбежная дилемма: «Должен ли саморегулируемый рынок и дальше определять развитие общества — или, напротив, обществу необходимо научиться направлять деятельность рынка?» И, думается, угроза планетарной экологической катастрофы отвечает на этот вопрос достаточно определенно.

К тому же, как оказалось, само по себе удовлетворение материальных потребностей не делает человека счастливым. Безудержный рост производства материальных ценностей нужен тем, кто извлекает из него прибыль. Включаемый же в потребительскую гонку человек-производитель оказывается обманутым и обездоленным, материальные потребности вытесняют у него духовные, он лишается счастья полноценной духовной жизни, а род человеческий — жизненных перспектив, поскольку исчерпание ограниченных запасов природных ресурсов грозит бедой грядущим поколениям.

Средний человек западного общества превратился в маленький винтик большой машины, он больше похож не на свободную личность, а на хорошо откормленный и одетый автомат. Ему противостоит колоссальная организационная система, включающая государство и современную промышленность, которая действует в собственных интересах, часто весьма далеких от интересов человека, а то и прямо им враждебных.

Тут бы сказать: не о хлебе надо думать, а о душе... Но слова эти могут прозвучать неуместно, если вспомнить, сколько сегодня людей на Земле голодает. В самом буквальном смысле этого слова. Нынче вышло из моды вспоминать о подобных вещах — слишком уж много о них твердила советская пропаганда, обличая мировую капиталистическую систему.

Но именно сейчас, когда Россия на собственном опыте извела, что такое разделение на очень богатое меньшинство и очень бедное, а порой и нищее, большинство, нам, как, должно быть, никому другому, понятна вся несправедливость современного социального расслоения на планете, которое с каждым годом не уменьшается, а растет. Не нами, а давно и справедливо было сказано: когда не удовлетворяются материальные потребности, жить трудно, когда не удовлетворяются духовные или их вообще нет, — жить скучно.

Соотношение уровней доходов богатых и бедных, «золотого» и нищего миллиардов планеты заметно увеличилось с 13 : 1 в 1960 году до 60 : 1 в завершающем век десятилетия. А ведь по сравнению с серединой столетия совокупный объем потребле-

ния, по оценкам ООН, вырос приблизительно в 6 раз. Однако 86 процентов его приходится сейчас на пятую часть населения, на остальные же четыре пятых — оставшиеся 14 процентов. Примерно 1,3 миллиарда людей на Земле живет в условиях абсолютной нищеты.

Этот факт уже сам по себе говорит о том, что ни одна из существующих на нашей планете общественных систем (и капиталистическая в том числе) не способна решить стоящие перед человечеством проблемы — ни социальные, ни экологические, ни тем более духовные.

Можно, конечно, сказать: «какое нам дело до этих проблем: нам бы свои собственные решить! Ну и Бог с ними, с голодным миллиардом, с бедными странами «третьего мира», раз уж они не могут устроить у себя приличную жизнь... Мы-то, Россия, пробьемся в «золотой миллиард».

Нет, не пробьемся. Давно уже стало ясно, что никто нас там не ждет. И более того, нас просто туда не пустят. Надежды на достойное вхождение в западное сообщество оказались столь же призрачными, как и упования на идеальное капиталистическое устройство, на свободный рынок, который разом исцелит все наши болезни.

При переходе России в XXI век выбор должен осуществляться в совершенно иной плоскости. Нам предстоит выбирать между общественным устройством, построенным исключительно на материальном потреблении, и обществом, признающим высшей ценностью духовную жизнь человека, обществом, в котором материальное производство и потребление занимают хотя и важное, но все-таки подчиненное место.

Когда-то Адам Смит предложил формулу, ставшую одной из заповедей западной цивилизации: получил в наследство от отца десять фунтов — оставь сыну двадцать. России предстоит эту формулу для себя переосмыслить и изменить: сбереги и преумножь свое духовное наследие, оставь сыну еще больше любви и доброты, красоты и знания, чем получил от родителей. Действительный прогресс возможен тогда, когда каждое поколение превосходит предшествующее в интеллектуальном развитии и духовном богатстве.

Впрочем, и тут следует оговориться. Речь вовсе не идет о том понимании духовности, при котором она выступает синонимом бедности. И не о том, что по части духовности мы шагаем впереди всей планеты. Безысходная бедность не возвышает, а унижает и развращает — без признания этой истины мы из нынешнего кризиса не выберемся. Мы хотим сказать лишь одно: двигаясь к обеспеченной и комфортной жизни, мы должны знать о проблемах, на этом пути возникающих, и стремиться их избежать или, по крайней мере, хотя бы смягчить. Тем более, что живем мы в стране, к комфорту не привыкшей, и потому продвижение, к нему и сопутствующее ему углубление общественной дифференциации может натолкнуть на архетипы массового сознания и вызвать реакцию отторжения. В 1917 году такое с нами уже произошло. Поэтому постараемся еще раз на те же грабли не наступать.

Архетипы российского сознания

Когда-то, в самом начале перестройки, довелось услышать примечательное выражение. Один из больших тогдашних чиновников, увлеченный общим энтузиазмом, заявил: «будем ломать мозги». Речь шла отнюдь не о том, чтобы пораскинуть содержимым собственного черепа, а именно о ломке — о желании перекроить сам образ мыслей тех людей, которые, по мнению этого начальника, были не готовы к перестройке. Это их он собирался переделывать, насильно приучать к свободе, демократии, самостоятельности, инициативе...

Оставив в стороне вопрос, способна ли родиться свобода по приказу начальства, поговорим о позиции, достаточно ясно обозначенной словами «ломка мозгов». Выражение это можно было бы счесть забавным, если бы за ним не скрывалась наделавшая немало бед на всем протяжении нашей истории привычка российских реформаторов «сверху» гнуть да не парить, переделывая отечественный менталитет. Чем, как не «ломкой мозгов», были насильственные меры Петра Великого по приобщению россиян к западной цивилизации? А разве не подходит этот термин к программе воспитания «нового человека», которую начали осуществлять большевики сразу же после прихода к власти?..

Сегодняшние либералы не отступают от этой традиции. Они утверждают, что демократия и рыночная экономика в России невозможны без «коррекции» национального характера. Необходимо, дескать, отказаться от таких его «порочных черт», как пресловутая приверженность общинности, коллективизму, соборности; извечное неу-

важение к законам и нежелание их соблюдать; аскетизм и пренебрежение к земному богатству...

Этой позиции полностью противостоит, казалось бы, точка зрения почвенников, которые объявляют, что демократия и рыночная экономика в корне противоречат традиционным ценностям российских народов. Все это, дескать, западные затеи, непригодные для России, а потому от них следует отказаться и искать собственные формы общественного устройства, соответствующие национальному характеру.

Эти полярно противоположные воззрения сходятся в одной главной точке: и традиционалисты, и поборники «ломки мозгов» единодушно полагают, что российский менталитет и реформы — «две вещи несовместные», и спорят лишь о том, от чего именно следует отказаться — от заветов отцов или от преобразований.

При этом обе стороны делают одни и те же ошибки: во-первых, пытаются свести сложнейшие проблемы общественной жизни к примитивной черно-белой схеме; а во-вторых, считают, что политическое переустройство и экономические реформы способны сами по себе быстро и решительно изменить национальный характер, а также жизненные установки и ценности не только отдельного человека, но и целого народа.

Спору нет, любые трансформации общества неизбежно влекут за собой определенные изменения в образе мыслей людей. Однако нет сомнений и в том, что некое глубинное ядро менталитета как народа, так и отдельной личности остается неизменным. Полностью переделать его не под силу никаким социальным и экономическим преобразованиям. С этой сложной проблемой столкнулись в XX столетии многие вставшие на путь модернизации государства «третьего мира».

Проникновение и усвоение демократических принципов в этих странах, по своему цивилизационному устройству демократии чуждых, как правило, сопровождалось социальными потрясениями. Причина их заключается в том, что всякие попытки грубого вмешательства в складывающийся столетиями внутренний строй народной души неизбежно наталкиваются на упорное сопротивление. Окажется ли отпор скрытым, пассив-

ным или же приобретет форму активного протеста — зависит от конкретных условий.

Вспомним переворот в Иране в 70-х годах, ставший реакцией на попытки шахского режима под патронажем Соединенных Штатов механически «пересадить» на местную почву западные политические институты и экономические отношения. Введение чуждых новшеств вызвало мощную волну противодействия, возглавленную исламскими священнослужителями. Сила реакции оказалась так велика, что смела с престола шаха-прогрессиста и отбросила Иран далеко назад, чуть ли не в средневековье.

Иранские события были лишь первой ласточкой. Можно назвать немало других стран «третьего мира», где бездумное заимствование западных образцов оборачивалось неудачей и приводило к непредсказуемым негативным последствиям. Так возникла дуга нестабильности, протянувшаяся на огромных пространствах мусульманского мира от Инда до Средиземноморья и стран Магриба.

Порой приходится слышать, что виной всему ислам. Дело якобы в том, что сам дух этой религии противится общественным и экономическим изменениям в направлении свободы. Странно, что положительный опыт демократизации таких стран, как Египет, Малайзия, Марокко, Турция на это превратное мнение ничуть не влияет. Впрочем, объяснение здесь простое: недоверие к исламу зиждется на незнании и непонимании его доктрины — нельзя забывать о том, что важное место в ней занимает постулат о бидаате — обновлении. И, стало быть, проблема не в сопротивлении исламской культурной традиции любому обновлению общества, а в том, как происходит это обновление.

Столкнулась с этой проблемой и наша страна. Разумеется, Россию ни по каким признакам нельзя отнести к странам «третьего мира», но процесс демократизации и у нас протекает сложно и болезненно, что неизбежно возвращает нас к вопросу: а имеются ли в самой базовой ткани российского общества и его менталитета те элементы, что готовы к восприятию и воспроизводству ценностей, норм, установок демократии и рыночной системы?

Начнем с пункта, который, по убеждению многих, служит одним из главных препятствий на пути преобразования общества, — с коллективизма, с пресловутой российской общинности. Либералы убеждены, что именно привычка к сплоченности, к чувству локтя мешает человеку выработать свободное и ответственное отношение к труду, своей жизни в целом. Необходимо, уверяют они, с корнем выкорчевать коллективизм из российского менталитета и посеять на его месте здоровый индивидуализм, а не то Россия вечно будет оставаться на задворках цивилизованного мира.

Подобные утверждения напрочь игнорируют опыт Японии, где мощное коллективистское начало ничуть не препятствует модернизации и становлению рынка. Если следовать логике наших либералов-западников, то в Стране восходящего солнца ни при каких обстоятельствах не могли привиться ни демократия, ни рыночная экономика, ибо Япония, как никакая другая страна, и по сей день чтит национальные традиции, берущие свое начало в глубокой древности и в корне противоречащие ценностям западного либерализма.

Встав после Второй мировой войны на путь модернизации, японское общество использовало как основной свой ресурс именно традиции, иными словами, «японский дух» — высочайшее чувство долга, подчинение иерархии, уважение к старшим, строгое соблюдение норм и правил общественных, внутрисемейных и групповых отношений. Результат известен: экономический взлет Японии. Синтез «японского духа» с западным техническим гением по формуле «японский дух — западная техника» вылился в «японское чудо», выдвинувшее Страну восходящего солнца на первые роли в мировой экономике.

Верность традиции определила и лицо японской политической культуры. В отличие от западной модели демократии с ее стремлением защитить индивидуума от давления общества и государства, японская модель делает акцент на самоограничении личности, умении контролировать свои порывы, встраивать их в систему общественных и государственных интересов.

Японский опыт говорит прежде всего о том, что западные либеральные ценности — отнюдь не единственный залог модернизации и демократизации страны. А самое главное, он показывает, что выигрывает не тот, кто бездумно копирует чужое, а тот, кто ищет свой путь, опираясь на исконные традиции и особенности национальной культуры.

В свете этого опыта, пожалуй, не очень убедительно выглядят наши российские «препятствия на пути демократизации», как именуют реформаторы-западники особенности российского менталитета. У нас сегодня и отношение к государству не столь четкое и безусловное, как у японцев, да и традиционное общество деформировано и раздроблено.

Более того, как считает российский философ Тульчинский, нашей бедой является не избыток, а, напротив, недостаток общинного сознания. «Исторической трагедией России, — полагает он, — является то, что в ней не вызрело традиционное общество — всегда основы, а не преграды модернизации и развития. Любое развитие всегда осуществляется не вопреки, а благодаря сложившимся социально-культурным структурам и тканям, с опорой на властные элиты, субкультуры меньшинств, конфессии, семью. Но эти компоненты традиционной культуры в России систематически рушились. И не только после Октябрьского переворота. Опыт всех российских принудительных реформ сверху — опыт разрушения традиционной культуры».

Сегодня российское общественное сознание в целом чрезвычайно неоднородно и противоречиво. Утрачена ясная и цельная картина мира, полностью подорвано доверие к власти, рушатся общественные связи, подвергаются сомнению былые ценности. В этой ситуации уничтожать сохранившиеся еще осколки традиционных ценностей губительно и преступно, поскольку именно они являются теми «точками кристаллизации», на основе которых только и возможно вырастить новый общественный идеал.

К сожалению, период «бури и натиска», пришедшийся на конец перестройки и первые годы реформ, когда шла яростная борьба с «коммунистическим прошлым», наломал немало дров

и в области общественного сознания. Именно тогда в умы россиян упорно внедрялся абсолютный нигилизм в отношении власти, государства, социальной справедливости... Речь-то шла, вроде, только о власти советской, но разрушительная сила пропаганды была столь велика, что у людей закрепилось стойкое неверие во всякую власть и всякое государство.

Неверие это подкреплялось и закреплялось в общественном сознании полным безразличием действующей власти к нуждам большинства и теми сокрушительными для судеб людей экономическими и социальными переменами, что в мгновение ока превратили миллионы жителей России в бедняков, а то и в нищих. Государство сложило с себя всякую заботу о своих гражданах — и неудивительно, что подавляющее большинство наших соотечественников воспринимает его как злую и чуждую силу. Удивительно другое: мы по-прежнему ожидаем чуда — вот вдруг возьмет да и появится у нас откуда ни возьмись какая-то «хорошая» власть.

Только вот какой она должна быть эта «своя», «хорошая», «правильная» власть — мало кто смог бы выразить в конкретных терминах государственного устройства. Одно лишь россиянин знал и знает точно и определенно: власть должна быть справедливой. Все остальное как-то самой собой сложится из этого основного ее свойства.

Не стоит идеализировать национальный характер россиянина. Мы в массе своей не умеем — не привыкли — настойчиво и последовательно, шаг за шагом добиваться желаемых социальных преобразований. Мы только начинаем этому учиться. Но никто не отнимет у нас одного — общего стремления к справедливости. Нашу повышенную тягу к ней нетрудно понять. Эта общественная потребность никогда не была удовлетворена. Россия на протяжении многих столетий жила и живет в хроническом состоянии нехватки социальной справедливости.

Именно мечта о ней воодушевляла народ, поднимавшийся за самозваными «мужицкими государями» — Емельяном Пугачевым, Степаном Разиным, Петром Болотниковым. Именно она толкала тысячи людей в странствия на поиски Беловодья. И толь-

ко недобросовестный историк станет отрицать тот факт, что среди факторов, обусловивших победу Октябрьской революции, важное место занимало стремление народов России к справедливому устройству общества. Какой бы ни оказалась впоследствии практика большевиков, но именно их лозунги оказались наиболее близкими народным представлениям о справедливости.

Разумеется, реальная жизнь сильно отличалась от деклараций, и с каждым годом разрыв между ними только ширился, превратившись в конечном итоге в одну из немаловажных причин падения Советской власти. Протест против исключительного положения номенклатуры в обществе стал одним из главных рычагов, с помощью которого «прорабы перестройки» взломали социалистическую систему.

Кстати, свою неслыханную популярность Борис Ельцин приобрел именно как борец за справедливость, как обличитель неправедных привилегий партийных бонз. Он попал в самую точку, задел одну из самых чувствительных струн российской души. И обаяние его славы оказалось настолько велико, что шлейф ее тянулся до самых последних дней его правления, несмотря на то, что лихоимство новой номенклатуры достигло такого размаха, который советским патрициям не снился даже в самых фантастических снах.

У новой власти положение со справедливостью оказалось даже хуже, чем у прежней, советской. Да, распределительная форма справедливости эпохи «развитого социализма» имела весьма существенные пороки и недостатки. Да, она была показной, декларативной, несовершенной (список эпитетов можно было бы продолжить), но при всем при том справедливость являлась одной из основных общественных и политических ценностей страны Советов. Новая власть отказалась даже от деклараций.

В первые годы реформ либеральная публицистика вдруг разом обрушилась на само это понятие. Мечты о социальной справедливости были объявлены пережитком социализма и непременным атрибутом тоталитаризма. А потому власть предрешающие и обслуживающая их пресса не видят ничего особенно-

го в беспрецедентном (если взять для сравнения восточноевропейские страны, которые отказались от социалистической системы одновременно с Россией) уровне различия между доходами богатых «верхов» российского общества и его нищих «низов», к которым относится более трети россиян.

В этом вопросе либералы-реформаторы почему-то не сочли нужным оглядываться на Запад. А именно здесь стоило бы! Как отмечают аналитики, в современных цивилизованных странах требование социальной справедливости занимает все более значительное место в общественной жизни. Пренебрегая этим важнейшим (если не сказать основным) параметром, современная Россия попадает в число наиболее отсталых в социальном отношении стран.

«Отечество» убеждено: восстановить доверие россиян к власти и государству можно только одним способом — создав общественные отношения, отвечающие глубинным представлениям наших народов о справедливости.

Имеется у «корректоров» национального менталитета еще одна претензия к соотечественникам. Дескать, при всей своей извечной склонности взывать к справедливости, россияне, а русские в особенности, мало уважают законность и законы и, более того, сознательно противопоставляют законам «правду», «совесть», которые, по их представлениям, стоят выше писаных человеческих установлений.

Такой взгляд на отношение россиянина к закону далеко не нов. Еще в прошлом веке многие мудрецы, претендовавшие на знание народной души, сходились на том, что российский мужик «суд по совести» всегда предпочитал «суду по закону». Да и в наши дни широко гуляет мнение, что никто в России не желает соблюдать законы. Научились бы мы, мол, строго их выполнять — тогда и зажили бы по-другому. Причем речь идет не столько о власти предрежащих, сколько о простых российских обывателях.

Оставим пока в стороне вопрос о несовершенстве нынешнего законодательства. Не будем говорить и о «верхах» — олигархии, чиновничьем аппарате, новоявленных богачах и пр., а по-

смотрим, как на самом деле относится к закону средний гражданин нашей страны.

Современные социологические исследования рисуют картину, в корне расходящуюся с расхожими представлениями. Так, в апреле 1997 года Институт социологического анализа провел по полной социологической выборке всероссийский опрос с целью выявить отношение россиян к основополагающим жизненным ценностям. Спрашивали, разумеется, и об отношении к закону. Собственно, это был даже не вопрос, а утверждение, с которым следовало согласиться или отвергнуть его. Звучало оно так: «существующие законы несовершенны, но их следует соблюдать, чтобы общество не погрузилось в хаос беззакония».

Более половины (50,9 процента) опрошенных согласились с этой формулой. Тех, кто полагает, что жить следует по совести, а не в соответствии с несовершенными законами, оказалось около двух пятых (38,9 процента). И только десятая часть респондентов отнеслась к закону неуважительно и цинично как к средству или препятствию, которое можно либо использовать, либо отбросить в зависимости от собственной надобности. Поразительный результат, если вспомнить, что несовершенное законодательство и неправый суд — извечная болезнь Руси, Российской империи, Советского Союза и новой России.

Примечательно, что этот же опрос показал и ошибочность еще одного расхожего мнения. На самом деле россиянам вовсе не безразлична нравственная сторона обогащения. Не удивительно, конечно, что забота о нравственности путей достижения финансового благосостояния свойственна двум третям бедных людей. Однако и половина людей с высокими доходами убеждены, что богатство должно быть нажито праведным путем. Словом, спокойная совесть — прежде всего. С другой стороны, нельзя говорить о каком-то аскетизме большинства россиян, об их пренебрежении к земным благам. Только около четверти наших соотечественников считают любое богатство неправедным.

Таким образом, научное исследование нравственного состояния современного российского общества показывает, что вопреки «тяжелому прошлому», вопреки всем пережитым в ны-

нешнем веке потрясениям и катаклизмам — войнам, революции, вопреки гнету тоталитаризма и насильственным «перестройкам» наш народ сохранил прочное здоровое ядро, и его духовный строй в общем остался на редкость здоровым и гармоничным. Коррозии подвергся лишь поверхностный слой. Несмотря на все соблазны времени, на сумятицу в умах, неизбежно сопутствующую всякой эпохе перемен, какими бы они ни были — благотворными или вредоносными, — среднего россиянина отличают нравственное и ответственное отношение к жизни.

Можно возразить, что в реальной жизни строго следуют своим убеждениям далеко не все из тех, кто, отвечая на вопросы социологов, выразил желание жить по совести. С этим не поспоришь. Не каждый человек способен всегда и во всем соответствовать своим убеждениям. В человеческой душе от века боролись стремление следовать идеалам и соблазн уступить минутным слабостям и соблазнам. И важен не процент «праведников» в современном российском государстве, а то, что нравственные убеждения, несмотря ни на что, живы в народной душе.

Итак, особенности российского менталитета нельзя рассматривать как препятствия на пути к подлинной демократизации и модернизации страны и общества. Напротив, традиции и современное умонастроение наших народов дают надежду на то, что Россию ждет лучшее будущее. Но надо не «ломать мозги» народу, а самим поломать голову над тем, как привести ход и конечную цель реформ в согласие с народным умом, душой и сердцем.

Корни Отечества

Да, мы предельно бережно относимся к историческому своеобразию России, культурным особенностям проживающих на ее территории народов. Но обеспечить сохранность традиций — не самоцель. Историческое наследие следует использовать по-хозяйски, отделяя в нем то, что может способствовать движению вперед, от того, что тормозит его.

Наша идеология не забывает о корнях, традициях Отечества, и этим мы принципиально отличаемся от либералов. Но у нас нет ничего общего и с теми партиями и движениями, которые понимают продолжение традиций как реанимацию былой российской несвободы, как диктат власти над обществом и человеком.

«Отечество» опирается на глубоко укорененную в народе традицию российского патриотизма. Речь идет о простом естественном желании видеть свою Родину — Россию — могучей и независимой. Но мы отдаем себе отчет и в том, что традиционный российский патриотизм в значительной степени был связан — в силу особенностей отечественной истории — с войной и военными победами. Развитие и обогащение этой традиции видятся нам в том, чтобы дополнить ее патриотизмом мирного времени. Современная великая держава не может не иметь другого предмета для национальной гордости, кроме ракет, танков и самолетов.

Патриотизм сегодня — это еще и гордость за отечественные товары, способные завоевывать международные рынки, за научные, культурные, спортивные и другие достижения мирового уровня. Говоря иначе, патриотизм се-

годня — это прежде всего патриотизм мирной конкуренции, а не военного противостояния. Не будет первого — не удастся сохранить и военно-державный статус России. Времена, когда могущество страны сочеталось с отсталостью производства, не связанного с военными нуждами, с бедностью и несвободой большинства населения, уходят в прошлое. И уходят безвозвратно.

«Отечество» в своих планах реформирования российского общества обращается к традиции, получившей наиболее яркое воплощение в деятельности Александра II. Это традиция постепенного, нескоропалительного и вместе с тем решительного реформаторства, основанного на поисках компромиссов между различными слоями общества.

Однако мы не сбрасываем полностью со счетов и традицию преобразований путем резких мобилизационных рывков, связанную с именем Петра I. Потенциал мобилизационного реформаторства в России не исчерпан, и его надо с умом использовать. Без народной самоотверженности ничего великого в нашей истории не делалось. И в то же время мы отвергаем насилие и произвол, которые, как зловещая тень, сопровождали в стране все мобилизационные эпохи.

У нас испокон веков традиция искреннего служения Отчизне соседствовала со столь же древней традицией использовать причастность к власти в корыстных целях, и, как ни горько это сознавать, нередко корыстолюбие брало верх. Победа над взяточничеством, над коррупцией не может быть обеспечена в несвободном обществе, где обладание властью уже равносильно праву на произвол. Сегодня очищение власти от криминала становится, пожалуй, важнейшим требованием дня. Власть обязана быть прозрачной. Без этого любые преобразования невозможны в принципе.

«Отечество» не может не учитывать многовековую российскую традицию персонифицированного восприятия верховной власти, отождествления ее с одним лицом. Мы сторонники сильной президентской республики с сохранением за президентом значительных полномочий.

Но и эта традиция, по нашему мнению, должна быть скорректирована применительно к условиям правового государства. Высшее должностное лицо должно быть наделено не просто большими (и даже очень большими) властными полномочиями, но и реально отвечать за исполнение (или неисполнение) возложенных на него функций. Нужны поправки в Конституцию, более четко фиксирующие сферу персональной ответственности главы государства и отделяющие ее от сфер ответственности других ветвей власти.

«Отечество», будучи движением реформаторов, в то же время предельно бережно относится к традициям и особенностям страны, к ее своеобразию и самобытности. Мы хотим опираться на эти традиции при решении нетрадиционных для России задач. Идеология «Отечества» — это идеология людей, отчетливо представляющих, что отвергают они в прошлом страны, что стремятся преодолеть и на что они в этом прошлом могут опираться, дабы сам процесс изменений проходил максимально органично и безболезненно.

Однако в разговоре о традиционных ценностях на этом не может быть поставлена точка. Потому, что на самый важный вопрос мы еще не ответили. Мы имеем в виду наши представления о мире, о жизни, о предназначении человека, т.е. о **мировоззренческом ядре**, без которого все другие идеалы, ценности и убеждения человека лишены основы и повисают в воздухе.

Во что мы верим

Что лежит в самой глубине, в самом сердце нашей идеологии; на чем основаны наши представления о мире, о жизни, о предназначении человека? Основной порок многих нынешних программ обустройства России в том-то и состоит, — что их составители так и не выработали своего **мировоззрения**. Они попросту забыли, что за каждой системой взглядов — будь она коммунистической или либеральной — лежит определенное представление о мире.

Либералы, скажем, просто перенесли идеи западного либерализма на отечественную почву, взяв лишь то, что лежит на поверхности, и не дав себе труда осмыслить и усвоить внутреннюю суть его идеологии, уходящую корнями в христианство, в протестантскую этику.

Коммунисты тоже словно запамятовали о той напряженной философской работе, которую проделал Ленин, разрабатывая свою политическую программу. Не будем сейчас ее оценивать. Речь о другом. С тех пор прошло целое столетие, мир неузнаваемо изменился, науки — в том числе и философия — совершили стремительный рывок вперед, и, самое главное, попытка воплотить эту программу в жизнь обернулась трагедией для сотен миллионов людей и потерпела крах.

Однако сегодняшние коммунисты даже не сделали попытки сверить основы «единственно верного учения» с новой реальностью. Дело не только в том, что, как наши либералы, так и наши коммунисты используют некую застывшую, раз и навсегда данную идею и не задумываются, пригодна ли эта идея для нашей сложной и своеобраз-

ной страны, но и в том, что они возводят свою идеологию без фундамента. Они строят на песке.

«Отечество» закладывает в основание своей идеологии краеугольный камень, имя которому **мировоззрение, основанное на вере в высшее духовное начало**. Для сегодняшней России, утратившей всяческие ориентиры, это жизненно важная и вместе с тем чрезвычайно трудная задача. Сложность ее заключается не только в том, что у нас еще не сформировался общепринятый четкий и ясный взгляд на фундаментальные основы бытия. В России не выработан даже язык, с помощью которого можно было бы адекватно описать саму проблему и быть при этом правильно понятым.

Во многом это связано с наследием советского периода, когда свободное и открытое обсуждение глубинных вопросов бытия находилось, по сути дела, под запретом. «Единственно верное учение» раз и навсегда определило картину мира, и любое, самое малейшее отступление от этого канона считалось ересью. То была эпоха победы материализма, когда в разряд крамолы попадали любые взгляды, в которых идеологической цензуре чудился хоть малейший оттенок идеализма.

В этом царстве торжествующего атеизма существовал лишь крохотный заповедник, отведенный для узаконенного идеализма, то есть традиционных религий, которые власти были вынуждены терпеть. Однако это не меняло положения в целом. Широкий и открытый обмен идеями между светской и религиозной мыслью был в принципе невозможен, а потому, естественно, не мог сложиться круг терминов и понятий, которые понимало и признавало бы общество.

Последствия идеологического террора сказываются и по сей день. В каждом из секторов общественной и духовной жизни страны — в мире политики и религии, искусства и науки и т.п. — бытует не только свой собственный язык, но и свой круг взглядов и представлений, которые не соприкасаются между собой, никак не смешиваются, как вода и масло. В словаре политики просто не существует таких понятий, как «смысл жизни», «Бог», «совесть» и т. п. Более того, сама мысль об их

использовании в политической практике многим может показаться нелепой.

Не меньшая сложность связана с самими терминами, которые употребляются для обозначения высшего начала. Так, скажем, для неверующего интеллектуала слово «Бог» лишено реального содержания, а для набожного христианина или мусульманина оскорбительно и богохульно прозвучит термин «Абсолют». Как им договориться между собой?

Справедливости ради следует отметить, что подобное положение сложилось не в одной России. Это общая болезнь атеистического Нового времени. Начало ей положила эпоха Просвещения, и ею переболели все цивилизованные страны Запада. Наша особенность лишь в том, что в Советском Союзе и постсоветской России эта болезнь приняла наиболее острую и тяжелую форму.

Как Западу, так и нам предстоит долгий переходный период, когда всего лишь вырабатывается язык, на котором можно было бы выразить и обсуждать подобные темы. Нам необходимо преодолеть ограниченность однобокого материализма. Два взгляда на мир — рациональный и религиозный — не исключают друг друга. Они лишь направлены на разные аспекты реальности и неполны каждый сам по себе. Мы не можем выбрать один из них и отбросить другой.

Мы верим, что Бытие — едино. В нем нераздельно, гармонично слито и материальное, и идеальное. Последнее нельзя выразить в словах, но чтобы как-то его обозначить, люди называли и продолжают называть его тысячами различных имен. В разных культурах, в разных традициях оно именуется по-разному. Одни называют его Богом. Другие — Абсолютом. Третьи — Вселенским Разумом. А есть и те, кто ищет и находит эту высшую силу в собственной душе.

В задачу идеологии не входит доказательство или опровержение бытия Божия. Это — дело теологии, философии. Вместе с тем и совершенно обойти эту, одну из важнейших, или, вернее говоря, — самую важную для человека проблему никак нельзя. Сегодня она актуальна, как никогда прежде.

В прошлом вопрос о взаимоотношениях человека с Богом как бы оставался в тени, на заднем плане. Но не потому, что его роль в жизни отдельной личности и общества была незначительной. Напротив, общее убеждение во всемогуществе Божьем было настолько прочным, что не нуждалось в каком-либо обсуждении. Проблема веры в Высшую силу оставалась личным делом усомнившихся одиночек, а не общества в целом.

Более того, с верой в Бога были тесно сами основы государственного устройства. Российские государи были не просто верховными правителями страны, но **помазанниками Божьими**. С одной стороны, это означало, что их власть освящена Высшей силой, а с другой — что государь несет личную ответственность перед Богом за свой народ, страну и все свои действия.

То, что большевики не верили в Бога, вовсе не означает, что они вообще не имели никакой веры. В наши дни эта мысль вряд ли покажется парадоксальной, лишённой смысла и даже оригинальной. Давно уже стало общим местом отождествление коммунистического учения с религией. Не потому ли с самого начала своего правления большевики так яростно и настойчиво боролись с церковью, что для утверждения новых верований необходимо было вытеснить старые?

Любопытно, что форму свою новая религия во многом позаимствовала у православия. Были здесь и свой символ веры, и свои сборники священных текстов — труды основоположников, и свои ритуалы и праздники, и свои святые и мученики и т. д. Нельзя забывать про истовую веру, воодушевление и энтузиазм 30-х годов, но уже к 50-м наступила реакция отторжения, и общая вера сменилась столь же общим скептицизмом. В коммунистические идеалы уже не верили и сами партийные жрецы, продолжавшие тем не менее зорко следить за соблюдением ритуала. Духовный кризис разразился задолго до падения коммунистического режима.

Однако развенчание марксистско-ленинского учения вместе с упразднением советского строя не привели к духовному очищению, а только усугубили кризис. Разрушив старую идеологию, реформаторы не смогли выдвинуть никакого положитель-

ного идеала. Весь их пафос был основан на отрицании всех прежних ценностей. Что же они предложили взамен? Обещания, что демократия и рынок сами собой избавят Россию от всех былых бед. Разумеется, обещания эти не сбылись — они просто не могли сбыться! — и это только усилило разочарование россиян, и без того утративших многие ориентиры.

Примечательно, что и религия пока не в силах кардинально изменить духовный климат нашего общества, хотя внешнему наблюдателю может показаться, что Россия переживает религиозное возрождение. Во множестве возводятся новые храмы, мечети, дацаны, молельные дома. Священнослужители принимают активное участие в общественной жизни. Высшие чиновники страны на экранах телевизоров перед всем народом демонстративно осеняют себя в храмах крестным знамением.

К сожалению, это лишь внешние, показные признаки благополучия. Социологические исследования свидетельствуют, что процент истинно верующих весьма невелик. А посему, как это ни печально, для массы наших современников религия не служит ни опорой нравственности, ни скрепами общества, ни источником духовной силы, терпения и мужества.

Сегодня, пожалуй, как никогда прежде, расцвели различные «нетрадиционные» верования. Набор их настолько пестр и экзотичен, что все и не перечислишь. Старые и новые секты всех толков соседствуют с эзотерическими обществами, колдуны — с представителями «сайентологии», астрологи — с «народными целителями», экстрасенсы — с неоязычниками По выражению одного из исследователей сей проблемы, «рядом с нами и параллельно с нашей жизнью постоянно бурлит некая бесформенная, размытая религиозная энергия».

Этот странный мир странных религий мало изучен, и ученые лишь констатируют, что точное количество сект, кружков, братств, орденов и тому подобных объединений подсчитать невозможно. Впрочем, суевериями охвачены не только те, кто организованы в кружки и секты. Вот лишь один пример: по данным социологов, около 63 процентов россиян в возрасте от 18 до 24 лет верят в колдовство, порчу и дурной глаз. Примечатель-

но, что среди людей старше 55 лет процент суеверных вполонину меньше. Следует задуматься над этим соотношением. О чем говорят эти цифры? О том ли, что наша молодежь менее образована, чем старшее поколение, или о том, что волна суеверий прибывает, захлестывая в первую очередь наиболее чувствительных и восприимчивых к веяниям времени?

Как бы то ни было, «бурление размытой религиозной энергии» свидетельствует не только об утрате связанных с верой традиций, но и о том духовном голоде, который испытывает наше общество. Не время и не место сейчас обсуждать, почему этот голод не могут насытить традиционные конфессии. Это предмет особого серьезного разговора, далеко выходящего за рамки любых идеологий. Гораздо важнее другое: совершенно очевидно, что россияне испытывают потребность в вере. И в этом наши соотечественники ничем не отличаются от всего прочего человечества.

«Отечество» исходит из того, что у каждого человека наряду с прочими жизненными потребностями имеется и та, которую можно назвать религиозной. Ее удовлетворение не менее важно для homo sapiens, чем удовлетворение потребности в творчестве, самореализации, общественном признании. Поистине, не хлебом единым жив человек. И всем нам для нормального существования необходимо установить соотношение между собой, своим внутренним миром и некоей высшей инстанцией.

Однако нередко случается и так, что религиозная потребность приобретает искаженные, уродливые формы, и тогда место высшей инстанции в человеческой душе занимают ее различные суррогаты. Скажем, догматическая идея или какая-либо общественная группа. Фетишем, на котором сосредоточено религиозное чувство, может стать все, что угодно: личность вождя или фюрера, деньги или, наконец собственное Я, которое замыкает собой границы материального и идеального миров. Список можно продолжать до бесконечности.

Обращаем внимание на два момента: во-первых, нет людей, полностью лишенных религиозного чувства, являющегося одним из неотъемлемых атрибутов человека, и, во-вторых, чувст-

во это может подвергаться различным искажениям и оттого принимать уродливые формы. А между тем здоровье общества в немалой мере зависит от того, насколько здорово религиозное чувство его членов, и от того, насколько свободно и естественно оно удовлетворяется. Здоровая Вера — здоровая личность — здоровое общество.

Разумеется, говоря о здоровье, мы не собираемся давать оценку религиозным конфессиям или личным верованиям. Это вообще вопрос чрезвычайно тонкий и щекотливый. Кто осмелится взять на себя смелость ставить диагноз той или иной религии или общине верующих? Что можно считать признаком здоровья? Думается, приемлем только один критерий — **устремление к высшим духовным ценностям**. Хотя и при таком подходе вероятны разные представления о высшем и духовном...

«Отечество» убеждено в абсолютной недопустимости любых попыток регулировать религиозную жизнь общества волевыми методами (за исключением, конечно, тех случаев, когда деятельность какой-либо секты причиняет прямой ущерб жизни или здоровью людей). Наша задача — создать атмосферу, благоприятствующую возрождению и расцвету в России высокой духовности и нравственности.

Таким образом, несмотря на то, что вопросы веры и религии относятся к наиболее личной, интимной стороне жизни каждого конкретного человека, они одновременно являются и одной из насущных проблем всего общества и страны в целом, а потому — и одним из ключевых пунктов нашей идеологии.

Надо тем не менее сказать сразу и со всей определенностью: религия не может и не должна определять общественное устройство. Может показаться, что естественнее всего было бы создать общество, законы которого устанавливаются в соответствии с волей высшей реальности, то есть Бога. В далеком и даже в недавнем прошлом именно так пытались строить (по крайней мере на словах) свою жизнь большинство государств. Но все попытки осуществить такой опыт в современном мире неизменно оборачивались жесточайшим тоталитаризмом.

Строить общество «От Бога», то есть сверху вниз, мог бы только сам Бог. Но конкретные политические институты божественными установлениями не определяются, и люди не должны брать на себя функции Всевышнего. Религия — это всегда устремленность к миру горнему, а не земному. И если существует в современном мире светское право, основанное на божественных заповедях, то лишь в рамках отдельных культурных и религиозных традиций, таких, как, скажем, ислам. Но вспомним, сколько религий насчитывается в России. Можем ли мы принять право, освященное всего лишь одной из них? Разумеется, нет.

Другой путь — забыть о Боге, о высшей реальности, о религии и строить общество, законы которого основаны исключительно на разумной договоренности между людьми и безусловных правах личности (можно обозначить эти принципы более жестко: как рационализм и индивидуализм). Такие общества уже созданы. Это большинство западных демократий.

Слов нет, на сегодняшний день демократия — оптимальное общественное устройство. Однако речь в данном случае идет не об ее достоинствах и недостатках, а о сочетании рационального и духовного в основах управления обществом. Демократия, как известно, исходит из принципа «религия — частное дело», и на этом ее отношения с высшей реальностью заканчиваются. Она подчеркнута не религиозна. Она занята только социальными отношениями. Демократическое государство не гарантирует людям духовного развития, хотя и пытается, казалось бы, создать для него необходимые условия.

Свободен ли человек в таком обществе? Счастлив ли он? Полна ли и гармонична его жизнь? Действительно ли он развивается духовно? Масштаб и глубина «кризиса нашего времени», в основе которого лежит полный отказ от высших ценностей, — лучший ответ на эти вопросы.

Перед «Отечеством», да и перед страной, стоит сложнейшая проблема — миновать обе крайности и найти способ гармоничного сочетания обоих начал в устройстве общества — рационального и религиозного. Возможно ли это в принципе? Мы

убеждены, что возможно. Более того, такое сочетание отвечает духовным традициям и ментальным особенностям народов России.

Мы провозглашаем приоритет духовного начала в жизни общества. Опыт Нового времени показывает, что, приняв атеистический взгляд на мир и полностью изгнав Бога из сферы общественной жизни, общество изгоняет из нее и самого человека. Обратившись к Богу, мы утверждаем приоритет человека, его духовного мира — науки, культуры, образования, этики, идеологии. В этом нет парадокса. Человек есть отражение высшей реальности, он сотворен по образу и подобию Божию.

Современное человечество теряет веру в силу голого «материального стимула». Наиболее прозорливые мыслители свидетельствуют, что мир быстро втягивается в период перемен, масштабность и глубина которых превосходят все, доселе известные человечеству.

Отличительная особенность этих перемен — доминантой социального развития становятся **нематериальные интересы**. Одно лишь стремление к материальному богатству или высокому положению в обществе не может заменить человеку потребность в творчестве, в знании, в развитии своей личности, реализации своих потенциальных способностей. Именно эти факторы выходят на первую роль в динамике хозяйственного прогресса. Будущее не за прагматизмом, а за извечным стремлением человека к совершенству, вершиной которого является гармония его внутреннего мира с тем всеобъемлющим Началом, об имени которого нам всем еще только предстоит договориться.

Мы ясно отдаем в себе отчет в том, какая предстоит долгая и сложная работа, чтобы осуществить эти принципы. Нам предстоит еще очень много узнать о закономерностях духовной жизни и научиться четко определять меру ее взаимодействия с социальной действительностью. А здесь, признаемся честно, вопросов пока больше, чем ответов.

Есть, однако, одно обстоятельство, которое вдохновляет нас и вселяет надежду. Это то обилие и разнообразие религиозных конфессий в России, о котором уже шла речь. Совместное об-

суждение представителями различных вероисповеданий проблем взаимоотношений религии и общества может помочь сформировать многомерный, объемный взгляд на проблему.

Смогут ли они найти общий язык? В том нет сомнений. Все религиозные учения в своих высших точках восходят к единому высшему началу и начинают расходиться все дальше и дальше друг от друга лишь по мере того, как приближаются к земле, к обществу. Здесь их начинают определять история, культура, традиции, национальные особенности.

Но сквозь все внешние оболочки, сквозь различные обычаи, одежды, языки, через все, что разъединяет людей, сияет тот свет, что объединяет всех — божественное начало в каждом человеке. Какими бы именами мы ни называли Бога, каким бы мы Его себе ни представляли — Высшей Личностью или безличной Высшей Силой, — Он не является для человека чем-то отдельным, внешним по отношению к нему. Бог — это сила, которая действует в человеке и через человека.

И потому, говоря: «Мы верим в себя и в Россию», мы подразумеваем: **«Мы верим в Бога в себе и в Россию, объединившуюся в Боге».**

Сильная власть — оплот свободы

Задача реформирования российского общества относится к разряду неимоверно сложных. Куда ни кинь взгляд — на экономику, социальные отношения, политическое устройство, государственное строительство, — всюду работы непочатый край. А человек — тот, кто только и может эту работу сделать? Прошлое основательно отучило его отвечать за свою судьбу: немалая доля сограждан продолжает ждать чего-то от государства, вместо того чтобы, засучив рукава, строить наново свою жизнь.

Одна проблема цепляется за другую, все переплетено, неизвестно с какого края подступиться. И все же центральным, ключевым вопросом нам представляется вопрос о власти. Если поэт в России — больше, чем поэт, то власть — гораздо больше, чем власть. Закладку фундамента власти «Отечество» рассматривает не как рядовую политическую задачу, а как важнейшую, решающую предпосылку обустройства России.

В поисках нового пути нет нужды заниматься изобретением велосипеда. Наш исторический опыт, да и современная действительность, если к ним внимательно присмотреться, дают ответы на многие вопросы. Мы не понаслышке знаем, какие результаты приносит обильное применение сильнодействующих средств в виде неограниченной личной власти в царской, советской и посткоммунистической России. Всякий раз заходили в тупик и выбирались с большими потерями. Разговоры о спасительной «сильной руке» не вдохновляют людей, знающих историю.

Но сполна познали мы и муки безвластия, которое неизбежно кончается диктатурой, познакомились в последние годы и со странным гибридом «сильной власти» с безвластием, когда власть имущие занимаются исключительно собой, бросив все и всех на произвол судьбы. Знаем мы и что такое фрагментарная власть, раздробленная на тысячу осколков.

Однако самая опасная болезнь, которой подвержена наша политическая система, — это все более углубляющийся разрыв между властью и обществом. Они существуют как бы в параллельных, непересекающихся мирах. Лишенные взаимодействия, они внутренне ущербны. Власть, не подкреплённая поддержкой народа, — бессильна, вольнолюбие народа, не ограниченное цивилизующими рамками, — опасно. Бессилие общества и паралич власти — две стороны одной медали.

Состояние власти — это сегодня главная из бед. Поэтому самый главный, наипервейший для нас вопрос — вопрос о власти. Но не в том смысле, кому она принадлежит или должна принадлежать. Речь о другом — о том, чтобы власть стала государственной в строгом и точном смысле этого слова, чтобы она служила общему благу, а не обслуживала интересы отдельных личностей и групп. В этом смысле государства у нас сегодня нет, его еще только предстоит создать.

Выход из нынешнего тупика «Отечество» видит в органичном, доселе не опробованном в реальной российской действительности соединении двух животворных начал: свободной личности и сильной государственности, самостоятельного гражданина и ответственной власти.

Тем самым мы продолжаем сегодня идейные поиски наших предшественников — тех мыслителей и политиков, которые на переломе веков пытались доказать, что уважение к национальной истории и традициям — не препятствие для развития демократии на русской почве, для становления правового государства. В свое время общество к ним не прислушалось и в результате оказалось ввергнутым в хаос.

Выход России из нынешнего тяжелейшего системного кризиса невозможен без решения все той же задачи. Необходимо

придать ценностям свободы и прав человека национальный смысл, ввести демократические преобразования в контекст национальной истории и национальных традиций.

Сильное государство и свобода — совместимы. Только мощное ответственное государство может гарантировать всю полноту прав и свобод личности. Только активные свободные граждане могут создать по-настоящему сильную власть, отстоять, при необходимости, свои права и свободы. По мере раскрепощения личности, власть крепнет, а прочная, просвещенная власть открывает новые горизонты свободы перед индивидом. Свободы, силой законной власти огражденной от посягательств ее врагов.

Сколько стран — столько и укладов. У каждого общества свой способ соединения свободы личности и силы власти, свои формы непростого синтеза частной жизни и государственных интересов. Искусство строительства демократии по-русски и заключается в поисках органичных для нашей страны способа и форм такого соединения.

Мы отдаем себе отчет в том, что решение этой задачи практически будет означать становление новой российской цивилизации. Это долгий и непростой путь. Для него тоже нужны ориентиры, указующие вехи, идеологические ориентиры.

Свобода по-русски

Прежде чем пытаться соединить свободную личность и сильное государство, надо, чтобы они были в наличии или хотя бы в зародыше. Определить, с чего начать, не так-то просто. Однако можно утверждать: если нет личности, нуждающейся в свободе, почувствовавшей острую потребность в ней, то никакое государство ничего сделать не в состоянии; оно вынуждено будет ориентироваться на людей, которым свобода не нужна.

Но если свободная личность появляется, то первой задачей государства становится защита ее прав. Сегодня мало критиковать коммунистический режим за то, что он подавлял индивидуальные свободы. Гораздо важнее понять: само по себе провозглашение этих свобод и даже закрепление их в конституции мало чего стоит, если государство не гарантирует их соблюдения. У нас такие гарантии не обеспечены. Между тем люди, которые в них нуждаются, уже есть, и их становится все больше.

Даже самые яростные критики политики российских реформ не могут отрицать, что их позитивным итогом (не исключено, что единственным) стало стихийное формирование слоя людей, привыкших не оглядываться на государство, а в основном полагаться на собственные силы. Таких людей не так уж мало. Августовский финансовый обвал 1998 года основательно подкосил их, но не сломил. Они выжили, несмотря ни на что. И научились держать удар.

Создавая «Отечество», мы во многом ориентировались на таких людей. Их экономическая активность должна быть дополнена политической, каждый «экономический

человек» должен превратиться в свободного гражданина, обеспокоенного судьбами страны. Другими словами, возможно, впервые в отечественной истории нам представилась счастливая возможность строить российское государство не только сверху, но и снизу. Однако этими новыми возможностями современная российская власть пока не может или не хочет воспользоваться.

Когда-то коммунисты столкнулись с проблемой: общество, черты которого нарисовали марксисты, оказалось некому строить, а уж жить в нем — и подавно. Тогда и появилась задача «формирования нового человека» — для придуманного строя требовался не существовавший в реальности (теперь сказали бы — виртуальный) житель. Может быть, путь к коммунизму потому и оказался так густо вымощен жертвами, что никак не совпадал с естественной человеческой природой и в принципе не мог осуществляться иначе, как через ее подавление и насилие над ней.

Мы же, напротив, исходим из тенденции, уже определившейся в реалиях новой российской жизни. Свободный человек уже родился и начал действовать. В нем — наше будущее. С большими или меньшими трудностями он выстроит государство под себя, по своей мерке.

Это, конечно, произойдет не завтра. Ценности личной свободы пока не стали преобладающими на российской почве. Но, не взрастив эти ценности, не сделав их нормой нашей повседневной действительности, мы ни на шаг не продвинемся к созданию новой российской цивилизации.

Речь идет в конечном счете о выстраивании принципиально новых для нашей страны отношений человека и государства, которое должно наконец покончить с порочной привычкой контролировать все и вся, рассматривая человека лишь как объект управления, как винтик в жесткой административной системе.

С другой стороны, и нам всем пора бы научиться, говоря словами Антона Павловича Чехова, выдавливать по капле из себя раба и не стоять с протянутой рукой в ожидании подачек от го-

сударства. Словом, вопрос состоит в том, чтобы по-новому соединить нужды и чаяния рядового гражданина с интересами великого государства.

В нашем понимании свобода не имеет ничего общего с анархическим своеволием, с хамской философией «что хочу, то и ворочу». Напротив, это прежде всего осознанная личная ответственность за себя, за свою семью, за малую и большую Родину.

Положение России между Европой и Азией сказывается и на нашем понимании свободы. Для восточной традиции идея личной свободы вообще нехарактерна. Европа же возвела ее в ранг высшей и абсолютной ценности. Но типичный для европейцев подход к свободе практически не отделяет ее от ответственности, от жесткой внутренней регламентации, закрепленными сначала в этике, а потом и в законе нормами общежития (вот откуда знаменитая «осознанная необходимость»),

Россия и здесь оказалась верна себе, соединив — в духе уже отмеченной выше традиции — отнюдь не лучшие стороны обоих подходов. Мы привычны к смирению, к безропотному подчинению самому дикому произволу, но в дни, часы и минуты, когда ослабевает иго, когда нам чудится отсутствие контроля, мы безудержны в своих поступках, не признаем никаких норм и авторитетов. Это дает основания некоторым «людоведам» утверждать, что Свобода — это дело не наше, чисто западное, а нам-де подавай Волю — возможность творить, что ни вздумается.

Думается, что причины в такого рода «умозаключениях» перепутаны со следствиями. Русская Воля проявлялась как реакция на непомерный гнет и унижения, на беззакония, творимые властью. Но и государство всегда жило с недоверием к своему народу, стремясь тугой уздой сдерживать его. По мере возникновения и укрепления институтов гражданского общества, действительно существующий ныне диссонанс между лих свободой и «нашей волей» непременно ослабеет.

Нам еще предстоит понять, что свобода — это самая жесткая из диктатур, диктатура над самим собой. Выбрать свободу — значит, не рассчитывая на чью-либо поддержку, принять на

себя полную ответственность за свою судьбу, за будущее своей семьи, значит вместе с согражданами отвечать и за свою страну, за государство.

И возникает еще один вопрос: а нужна ли такая свобода русскому человеку? Ведь она несет за собой массу проблем: необходимость постоянно шевелить мозгами, проявлять инициативу, рисковать, наконец. Что греха таить, прошлое основательно отбило у нас охоту заниматься всем этим. Куда проще, получив гарантированную пайку от государства да прихватив еще то, что плохо лежит, завалиться на печку без дум о завтрашнем дне, чем самому строить свою жизнь.

Немалая доля наших сограждан все еще продолжает, как и десять, и двадцать лет назад, ждать чего-то от государства, хотя оно сейчас уже дать им ничего не может. Хотим, чтобы читатель правильно нас понял: сегодня мы не выбираем между свободой со всеми ее рисками и возможностями и равенством в бедности без рисков, но и без возможностей. Социализм с советским лицом канул в небытие, и никакими силами его не воссоздать.

Сегодня мы выбираем между свободой, в условиях которой только и может сформироваться нормальный сильный самодостаточный человек, и развалом государства, деградацией общества со всеми вытекающими последствиями — массовой безработицей, невыплатой зарплат, крахом всяких надежд на достойную жизнь. Или — или, третьего не дано.

Самое трудное — найти российский путь к торжеству идеалов свободы и демократии. Жизнь ясно показала, что попытка практического воплощения либерального лозунга «больше свободы, меньше государства» вылилась в неограниченную свободу разграбления страны. Но для будущего России было бы смертельно задушить ростки свободы в тисках еще малоцивилизованного государства.

Свободу нельзя получить, ее можно только вырастить. Терпеливо взрастить в умах и в душах, в традициях и законах. Исходная точка этого пути — защита доставшихся дорогой ценой политических свобод от посягательств на них, осуществляемых

под любым, самым благовидным предлогом, упрочение демократических, конституционных основ политической системы.

Видимые невооруженным глазом недостатки российской Конституции, вопиющие безобразия в работе государственной машины, разгул преступности — все это не повод для возврата к тоталитаризму пусть в его даже современной, более мягкой редакции. Достигнутое необходимо закрепить, превратить в прочную опору для расширения пространства прав и свобод рядовых граждан, становления цивилизованного ответственного государства, не ограничивающего, а, напротив, защищающего эти права и свободы.

Можно сказать, что свобода — это тот первый краеугольный камень, который мы должны заложить, приступая к обустройству России. Именно свобода и только свобода формирует нормального сильного самодостаточного человека. А он в свою очередь создает нормальное сильное гражданское общество, которое способно, если будет на то необходимость, ограничить всевластие государства.

Итак, Свобода — первая базовая ценность нашей идеологии, нашего «Отечества».

Под сенью Закона

Сильному свободному человеку как воздух нужно сильное государство, обеспечивающее торжество закона при всех обстоятельствах. Ему нет нужды ловчить, искать какие-то прорехи в законе, ловить рыбку в мутной воде. Чтобы обеспечить свое благополучие, благополучие своей семье, ему во всех смыслах куда удобнее жить по правилам, чувствуя себя надежно защищенным законом.

Для таких людей нет ничего хуже, чем непредсказуемость власти: сегодня — так, а завтра — иначе, одной рукой караю, а другой — милую. Непредсказуемость власти вынуждает человека отказываться от реализации своих идей, сливаться с толпой, в общем, «быть как все». Так пресекаются любая инициатива и предприимчивость, душиатся на корню малейшие ростки свободы.

Между тем власть на Руси издревле не жаловала законы, полагая, что не для нее они писаны. Не жалует она их и сейчас, несмотря на все словесные реверансы в адрес права и Конституции. Не секрет, что добрая половина наших чиновников всех рангов не знает не только Конституции, но даже тех законов, которыми они должны руководствоваться в своей непосредственной профессиональной деятельности. Да и зачем они им? Российская традиция учит чиновника тому, что его сила и благополучие — не в знании законов, а в искусстве «дать бумаге правильный ход», в понимании психологии начальства и соотношения сил в «верхах».

Стоит ли удивляться, что российское общество заражено правовым нигилизмом. Каков поп, таков и приход. К тому же подобные настроения сознательно культивируются некоторыми политиками, утверждающими, что Государственная дума принимает такие законы, которые заведомо работать не будут. Что ж, есть в этих словах правда, но не вся. В такой политической атмосфере не исполняются и хорошие законы. В стране нет конституционного кризиса, о котором твердит оппозиция, — есть острый кризис уважения к Конституции и законодательству.

«Закон, — писал английский историк и публицист Томас Маколей, — не имеет глаз, закон не имеет рук, закон — не более как клочок бумаги, пока общественное мнение не вдохнет дыхание жизни в мертвую букву». Иными словами, речь опять идет о соединении таких фундаментальных ценностей, как свобода и закон. Только свободные люди могут заставить власть неукоснительно следовать требованиям закона, соблюдать нравственные и правовые нормы, нести ответственность перед народом за свои действия.

Закон, как понимаем его мы, члены организации «Отечество», — это верховная власть, перед которой все смиренно склоняют голову, перед которой все равны. Он ограждает общество от деструктивных посягательств, и все находятся под его защитой. Правители в силу своих особых полномочий должны чтить его даже больше рядовых граждан, и нет доли более горькой, чем оказаться вне закона.

Путь к торжеству Закона в России тернист. Необходимо приблизить законодательство к повседневным нуждам людей и хозяйственной жизни страны. И на этом пути тоже предстоит борьба с вековой традицией. «У нас самый закон заклеимен неискренностью. Не озабочиваясь определительностью правил и ясностью выражений — он прямо и последовательно требует невозможного», — писал в 1855 году Петр Валуев, сыгравший впоследствии видную роль в практическом воплощении александровских реформ. Такое законодательство — простор для чиновничьего произвола, колодки для инициативы граждан, уг-

роза их правам и свободам. Только изменив законодательную практику, можно повысить авторитет парламентаризма в России, авторитет Закона.

Закон — базовая ценность нашей организации, нашей идеологии. Мы стремимся к тому, чтобы он стал таковой и для всего общества. Однако само собой это не произойдет, как сама собой не укоренится и ценность свободы.

Учиться Свободе и Закону

Россия, несмотря на все ее выдающиеся достижения в различных сферах жизнедеятельности, так и не прошла школу свободы и законности. В этом смысле она еще только вступает в свою «эпоху Просвещения». «Учиться свободе, учиться жить в правовом государстве» — вот основополагающие лозунги «Отечества», непосредственно вытекающие из его идеологических принципов.

Наша система образования, средства массовой информации до сих пор не осознали данную задачу во всей ее полноте и масштабности. Тут еще многое, очень многое предстоит сделать, и «Отечество» намерено предложить обществу свою программу действий.

Элементарный пример: большинство наших сограждан до сих пор не понимает, какую роль играют налоги в свободном правовом государстве. И потому надо разъяснять, что налогоплательщик — это человек, содержащий на свои средства государство в обмен на услуги, которые оно ему оказывает. Надо разъяснять, что если государство свою миссию не выполняет или выполняет плохо, то человек имеет право — сам или объединяясь с другими людьми, — требовать, чтобы оно, государство, своему назначению соответствовало. Надо разъяснять, что отношения государства и населения не могут строиться по принципу «кто кого перехитрит»: на любые попытки перехитрить ее власть будет отвечать тем же, и все мы неизбежно окажемся в проигрыше.

Взаимоотношения власти и населения должны быть в корне изменены. Утверждение таких ценностей, как свобода и закон, возможно только в гражданском обществе.

Но мы к такому обществу не продвинемся даже на шаг, если всерьез не займемся просветительством, если не научим наших сограждан жить в условиях свободного правового государства.

Нельзя игнорировать тот факт, что инициатива перемен в нашей стране, как правило, исходила от государства. И сегодня оно должно озаботиться проектированием новых форм жизнедеятельности, созданием для них максимально благоприятных условий. В России великое множество людей, что называется, имеет «золотые руки». Но они зачастую мыкаются без настоящего дела, просто-напросто прожигая свою жизнь. Помочь им обрести себя в новых экономических условиях, раскрыть все шлюзы для реализации их способностей, а если надо, то заново обучить или переучить их, — одна из важнейших обязанностей государства. Именно государство должно выступить в роли повивальной бабки «экономического человека». А уже со временем он превратится в «человека политического», настоящего свободного гражданина, обеспокоенного не только своей судьбой, но и судьбой страны.

Возьмем в качестве примера ситуацию с малым бизнесом. По данным социологов, им хотели бы заниматься свыше 20 процентов россиян. И если люди этого не делают, то не в последнюю очередь потому, что не знают, как подступиться к реализации своих устремлений. У нас начинающим предпринимателям практически никто не помогает.

Между тем даже в Англии, где существуют богатейшие вековые традиции предпринимательства, в каждом городе действуют правовые центры, где обучают азам бизнеса. В России же, где предпринимательский класс только складывается и где потребность в таком обучении неизмеримо выше, ничего похожего нет. Англичане давно поняли, что задача государства состоит вовсе не в том, чтобы, образно говоря, накормить людей рыбой. Оно должно всего лишь научить их эту рыбу ловить. Пора наконец и нам понять эту элементарную истину.

Но не об одних предпринимателях речь. Только в силу нашей удручающей непросвещенности могли возникнуть иллюзии, будто переход к рыночной экономике означает превраще-

ние всех людей в собственников, будто одни собственники и предприниматели составляют основу гражданского общества. Такого нет — и не может быть — ни в одной стране. Такие иллюзии наряду с общеизвестными ошибками в проведении либеральных реформ привели к резкому падению статуса наемных работников, составляющих не только у нас, но и в любой развитой стране подавляющее большинство населения и обладающих собственностью только на свою рабочую силу. Это привело и к искаженному представлению о среднем классе, который нередко связывается у нас исключительно с бизнесом и обладанием собственностью. Способствовать искоренению такого рода заблуждений — тоже одна из задач «Отечества».

В условиях нормальной рыночной экономики успех отдельного человека и благополучие его семьи зависят от его личного усердия и квалификации. И мы намерены сделать эту зависимость понятной и осязаемой для каждого, будь то предприниматель или наемный работник.

Критикуя неудачные реформы последних лет, «Отечество» одновременно вскрывает несостоятельность тоталитарной модели в любых ее разновидностях, включая относительно благополучный «развитой социализм» брежневских времен, вызывающий сегодня у многих ностальгию. Такие модели не имеют перспективы в современном мире, и надо, чтобы все россияне это наконец поняли.

Иными словами, «Отечество» намерено взять на себя самые широкие просветительские функции, привлечь к этой работе как государственные структуры, так и институты складывающегося гражданского общества. При этом мы отдаем себе отчет в том, что просвещение лишь тогда может быть успешным, когда сами просветители действуют в строгом соответствии с теми принципами, которые хотят утвердить в обществе.

Согласие: трудные поиски

В русской, российской ментальности, в отечественной общественной мысли всегда присутствовало и присутствует понятие «согласие» как квинтэссенция нашего национального бытия. Это тем более парадоксально, что как реальное явление согласие в нашей истории случалось крайне редко. XX век привнес в нашу жизнь особенно много раздоров, он безжалостно делил людей на враждебные группы и еще дальше увел нас от согласия, остающегося, как может порой показаться, лишь красивой мечтой.

В многочисленных дискуссиях, ведущихся не одно десятилетие, явственно вырисовывается стремление бескомпромиссно противопоставить друг другу два полюса. Первый — индивидуализм прагматического Запада. Второй — так называемая «соборность», трактуемая как почти генетически закрепленная склонность русских следовать коллективистским установкам, жертвуя при этом индивидуальными правами и свободами в пользу государства.

В этих условиях, конечно, достижение общенационального согласия не просто затруднено. Порой оно, кажется, попросту маловероятно.

Заметим, однако, что и в «благословенных краях» социального благополучия установление согласия дается не без труда. Например, в скандинавских странах, вошедших в нашу российскую мифологию в качестве преуспевающих именно в плане социальной справедливости и потому до-

стойных подражания, граждане буквально стонут под гнетом налогов, забирающих больше половины того, что зарабатывается тяжким и усердным трудом. Кто бы из россиян согласился на это?

Согласие — наиважнейший идеологический компонент. В современной России только синтез идеологий — и, по большому счету, культур — может быть плодотворным. Идеологические условия общественного согласия сегодня требуют не механического соединения «частных» политических идеологий, а синтеза, рождающегося в ходе цивилизованного диалога заинтересованных сторон.

Это, так сказать, предусловие российского Согласия, которое очень и очень непросто выстраивается и в историческом контексте, и в сегодняшней конкретной политической ситуации.

Не секрет, что ключевое слово, характеризующее нынешнюю картину политического позиционирования, — это «раздробленность». Генетические черты этого явления известны: патологическая неспособность родственных партий и движений договариваться между собой, ущербное дробление электората, жесткое соперничество лидеров, которым, честно говоря, нечем делиться, кроме сотых и тысячных долей процента голосов потенциальных сторонников.

Причем эта отнюдь не детская болезнь свойственна не только крайним либералам или раздерганным на мелкие партии левым коммунистам, но и вполне добропорядочным, изначально ориентированным на выстраивание коалиционных комбинаций центристским политикам.

Откуда что берется? Да из той же российской истории, из той же склонности к противостояниям и расколам, которая прослеживается на протяжении столетий и в не менее острой форме проявляется в сегодняшней политической действительности.

Русская интеллигенция придавала идеологии почти религиозный статус. Очередную заимствованную или созданную на

родной почве идеологическую доктрину «передовые круги» рассматривали в качестве откровения, единственно верной дороги к всеобщему благу, светлому будущему. Всякий сомневающийся становился идеологическим, политическим и личным врагом. И сегодня еще видны элементы подобного отношения, которое попросту блокирует всякий политический диалог.

Вот где берет свое начало «постоянный российский раскол». Раскол, проявляющийся как на уровне отдельных исторических персонажей, так и на уровне общества в целом. Именно поэтому становятся бессмысленными и подвергаются ожесточенной критике любые — как либеральные, так и консервативные реформы, происходят постоянные срывы на пути формирования полноценного гражданского общества и модернизации общественной системы. И здесь, конечно, корень зла не в политике, а в тех нравственно-психологических основаниях, которые реально влияют на политику, а порой и определяют ее. Вот почему Согласие в современной российской политике играет критически важную роль.

На протяжении последних десяти лет самому понятию «согласие» пришлось претерпеть немало пертурбаций. Сначала, в 1991 году, под Согласием подразумевалось трогательное послеавгустовское единение вокруг некоего консенсуса, предполагавшего конец прежней системы и укоренение новой (правда, малопонятной даже для тех, кто принимал данный консенсус). Но первые удары ценовой реформы и последствия не книжного, а реального радикал-либерализма в момент развеяли розовые мечты тогдашних «демократов». Столь же призрачными оказались и попытки единения постсоциалистических сил, объединенных в «гражданском союзе» и других центристских образованиях.

Период иллюзий закончился в октябре 1993 года, когда поиски общенационального консенсуса увенчались закопченными стенами «белого дома» и утверждением вертикально выстроенной президентской Конституции.

Были и потом попытки заключения соглашений, подписания договоров о гражданском согласии. При всей протокольной помпе — все это были попытки с негодными средствами. И по вполне понятной причине. Ведь основы, прочной базы Соглашения — как не было, так и нет. Между тем Согласие из формы взаимоотношений в обществе превращается в их суть — становится необходимостью и самоценностью.

Шанс для России

Как же преодолеть разорванность государственного — и не только государственного — сознания в современной России?

«Отечество» исходит из того, что при всех разногласиях и расколах, которые существуют сегодня в российском обществе, основа для согласия постепенно складывается. Подавляющее большинство россиян не хочет возврата к тоталитарному прошлому, имеет совпадающие или близкие представления о будущем и стремится к созданию цивилизованных процедур смены власти. Готовность к согласию по этим ключевым вопросам в значительной степени перекрывает разногласия по другим проблемам.

Дело ведь не в том, что среди россиян существует отмечаемый социологами раскол на «коллективистов» и «индивидуалистов». Гораздо важнее то, что сегодняшние «коллективисты» вовсе не намерены, как правило, возвращаться к государственно-принудительному коллективизму коммунистических времен. Они выступают не против индивидуализма и индивидуальных свобод как таковых, а против их сегодняшней версии, ставшей символом беззакония и безответственности. Но и многие «индивидуалисты» выступают против того же. Так что существующее в обществе различие ориентаций вовсе не является непреодолимым препятствием для согласия, если понимать под ним не консервацию настоящего, а его мирное поступательное развитие.

И общество, и политический класс все больше укрепляются во мнении, что сложившаяся в России политическая система противоречит общегосударственным интересам,

ведет к их подмене интересами отдельных групп. Нельзя говорить о сильном государстве, если различные ветви власти, в том числе и избираемые непосредственно гражданами (Президент и Государственная дума), не несут за происходящее в стране никакой ответственности.

Президент, формирующий правительство, за его деятельность и ее результаты не отвечает. Дума, утверждающая главу кабинета, за его работу не отвечает тоже. Это ненормально. Это значит, что столь важная для нас ценность свободы, проявляющейся в праве выбирать власть, вступает в конфликт с ценностью государства. И конфликт этот порождается отнюдь не несовместимостью этих ценностей, а тем сложившимся в постсоветской России устройством власти, которое не отвечает ни задачам обеспечения свобод граждан, ни задачам укрепления государства.

Сейчас в стране идет обсуждение вопроса о том, как следует реформировать политическую систему и что в ней надо изменить, чтобы в России были ответственный президент, ответственный парламент, ответственное правительство и ответственные судебные органы. «Отечество» активно участвует в этом обсуждении и стремится расширить его содержательные рамки.

Мы руководствуемся и будем руководствоваться убеждением, что политическая система должна быть гарантом тех ценностей свободы и законности, которые мы считаем основополагающими. И мы намерены, с одной стороны, проявить политическую волю в их отстаивании, а с другой — готовность к компромиссам ради того, чтобы основа для согласия была наконец-то сформулирована. «Отечество», называющее себя партией национального согласия, сделает все, чтобы это имя оправдать.

Потребность в согласии органична для «Отечества» в том числе и потому, что нашей организации приходится решать и проблему внутреннего согласия, так как, начав объединять людей дела, людей, привыкших к свободному самовыражению, мы встретились с широчайшим спектром мнений и позиций, жиз-

ненных принципов. Образовать из них прочный сплав можно только на основе Согласия. Естественно, что мы сами должны были продемонстрировать живой пример достижения согласия, прежде чем звать к нему других.

Наше стремление координировать усилия с самыми разными политическими силами и умение в процессе взаимных консультаций вырабатывать общие позиции по конкретным вопросам — это, быть может, самый убедительный ответ нашим оппонентам, утверждающим, что идеология «Отечества» «не может быть национальной идеологией, поскольку она не отражает интересы всех народов России». Особенность нашей идеологии в том и состоит, что она родилась из взвешенного анализа исторического опыта, вобрала в себя плоды размышлений представителей многих народов и поколений, отвечает сегодняшним реалиям и позволяет вести диалог со всеми, кто готов интересы страны и государства поставить выше эгоистических интересов партий и групп.

Говоря об идеологии, никак нельзя обойти вопрос о том, кто является ее непосредственным носителем. Существуют три института, которым под силу поддерживать в «рабочем состоянии» ту или иную идеологию: государство, церковь и политическая партия. В нашей отечественной истории они несколько раз менялись ролями. Если до революции идеология «самодержавия, православия и народности» разрабатывалась, насаждалась и поддерживалась усилиями государства и сросшейся с ним православной церкви, то после 1917 года те же функции взяла на себя коммунистическая партия, в свою очередь постепенно сросшаяся с государством.

Особенность современной России в том, что национальную идеологию, начиная с 1991 года, приходится выстраивать практически заново — наряду с самим новым государством и новыми политическими партиями. Все возрастающую роль в формировании новых идеологических основ российского социума играют и Русская Православная Церковь, и другие традиционные для России конфессии.

Новая российская идеология будет формироваться и уже формируется в единстве со становлением новых политических

институтов. И в этом смысле создание «Отечества» — это реальный вклад в становление и развитие идеологической составляющей российского общества.

Увы, в России идеологическое самоопределение пока еще остается уделом лишь оппозиционных партий.

Напротив, отличительная особенность всех «партий власти» последнего времени (от «выбора России» и НДР до нынешнего «Единства») как раз и заключалась в неидеологичности, в подмене ясно выраженных идейных принципов и ценностей сугубо прагматическими программами-однодневками, приправленными изрядной дозой широковещательных пропагандистских лозунгов. Кстати, примечательно, что, перестав быть «партией власти», партия НДР озаботилась именно поиском идеологических основ, взявшись за разработку «правоконсервативных» принципов и ценностей.

«Отечество» же с самого начала было обречено активно развивать именно идеологическую составляющую своей деятельности. Для нас приоритетом стали выяснение собственной позиции, идейные объединения и размежевания — ради того, чтобы не просто обозначить свою идейно-политическую самобытность, но и прежде всего обеспечить принципиальное совпадение наших идеологических установок с реальными нуждами и чаяниями народа, с желаниями и устремлениями россиян.

«Отечество»: поиск пути

(возможен ли синтез либерализма и социализма?)

Как же должна строиться политическая партия, способная решить такие задачи? Для ответа на этот вопрос нужно разобраться в некоторых тенденциях развития политических систем в России и других демократических странах.

В последнее время традиционное для нас противостояние между коммунистами и демократами перестало быть центром и главной интригой политической борьбы. Впервые за последние десять лет эта тема как бы утратила свою актуальность и даже стала второстепенной.

Более того, тактические комбинации с участием коммунистов — стали активно использоваться властью и близкими к ней политическими силами, прежде безоговорочно отрицавшими такую возможность. Подобное положение вещей стало результатом прежде всего отсутствия реальной опасности возврата к прошлому. И к КПРФ теперь относятся уже не как к жупелу, а как к одному из существенных факторов российской политической жизни.

Хорошо известно, что в большинстве развитых стран коммунисты и другие левые радикалы утратили роль влиятельной политической силы. Левый фланг политического спектра там по преимуществу представляют социалисты, социал-демократы, лейбористы — те партии, которые давно интегрировались в демократическую политическую систему, действуют в условиях рыночной экономики и не помышляют о том, чтобы в корне ломать весь порядок жизни. Их цель — улучшать жизнь сограждан в рамках существующих условий и устоявшихся отношений. Другого пути нет и у наших левых, как бы они себя не называли. Сможет КПРФ трансформироваться подобным об-

разом — сохранится эта партия. Нет, — на ее месте возникнет другая, а эта уйдет в историю.

Второе — вопреки многим предсказаниям, несмотря на очевидные и очень болезненные провалы в экономике, либералы на выборах получили поддержку заметной части общества. Если лидеры правых сумеют, преодолев личные амбиции, закрепить успех и создать серьезную партию, проблема правого фланга политического спектра также будет решена.

Оба отмеченных обстоятельства свидетельствуют, что общественные процессы в России в целом развиваются в том же направлении, что и в других европейских странах. Тем не менее стоит задуматься о том, как сделать политический пейзаж страны еще более отвечающим ее новым реалиям и потребностям.

Выстраивая новую политическую систему, мы часто обращаемся к опыту развитых западных демократий. Именно оттуда, например, была почерпнута идея двухпартийности как одной из наиболее эффективных конструкций политического механизма. Но, к сожалению, при этом не всегда учитываются глубокие изменения, происходящие в борьбе и взаимодействии двух базовых — социалистической и либеральной — идеологий на Западе. Вспомним сравнительно недавнее прошлое.

В 1974 году Президентом Франции избирается представитель правых сил Валери Жискар д'Эстен. В стране создаются тепличные условия для развития бизнеса. Налоги снижаются до предела, но в связи с экономическим ростом доходы государства увеличиваются, от инвестиций, можно сказать, нет отбоя. Американский доллар стоит четыре франка.

Либерала Жискар д'Эстена в 1981-м сменил социалист Франсуа Миттеран. Налоги повышаются, за счет чего на социальные нужды расходуется больше средств, чем раньше. Однако курс доллара теперь повышается до восьми франков. Начинается отток капиталов из страны, падает производство, соответственно сокращается и сумма собираемых налогов.

Избранный на второй срок Миттеран меняет экономическую политику. Налоги вновь снижаются, хотя и не до того уровня, какой был при его предшественнике. Курс доллара

останавливается на шести франках. Постепенно возвращаются инвесторы, растет производство. Маятник, качнувшись сначала резко вправо, а затем влево, приходит в некое временное равновесие.

Конечно, это предельно упрощенная схема. В ней полностью опущено то, что волновало французов, вызывало кипение страстей и острейшие политические баталии, — непримиримые идейные разногласия между левыми и правыми, либералами и социалистами. Но, как мы видим, в конечном счете все эти разногласия, все миллионы сказанных слов, все тонны бумаги, потраченные на газетные статьи, книги и брошюры, обосновывающие единственную верность того или иного пути, все это, очень грубо говоря, сводится к небольшой разнице в процентах налога на прибыль.

В последнее время видимые различия в политике либералов и социалистов, с разной периодичностью сменяющих друг друга у власти в европейских странах, становятся все менее различимыми. Сейчас там практически невозможно найти того карикатурного буржуа, который размышляет только о том, как побольше выжать из своих работников, — либералы, как и социалисты, озабочены социальными программами, человеческим фактором и проблемами общественной стабильности. Точно так же трудно отыскать социалиста, не задумывающегося об эффективности производства, об источниках средств, необходимых для удовлетворения социальных нужд. Амплитуда колебания маятника реальной политики достаточно быстро сокращается, а идеологические аргументы играют все меньшую роль.

Разумеется, существует масса проблем внутренней и внешней политики, имеющих разные пути решения, но не носящих идеологического характера. Именно по отношению к таким конкретным проблемам и способам их решения и разделяются республиканская и демократическая партии США. На первый план выходит экономика, с ее законами и сухими цифрами.

Так что же, нас ждет конец идеологии? Едва ли. Голый прагматизм убивает нечто очень важное и нужное людям. Не случайно в последнее время американские партии также не чужа-

ются дискуссий по базовым, то есть идеологическим вопросам. Ведь в обществе всегда существовали и будут существовать разные люди. Одни из них, в силу склада своего ума, воспитания, образования, более ориентированы на чисто производственные проблемы. В любой ситуации они размышляют в первую очередь о том, как заставить машину, завод, корпорацию, отрасль работать еще лучше, давать еще больше продукции, снижать затраты и т. д. и т. п. Другие — в силу тех же самых причин, думают прежде всего о человеке, о том, чтобы он чувствовал себя комфортно, жил в достатке, в согласии с обществом.

Мы говорим пока не о политических или идейных позициях, а просто о внутренних приоритетах разных людей. Но именно люди с разными приоритетами и объединяются в левые и правые партии, становятся их сторонниками или противниками, голосуя за их кандидатов на выборах, поскольку находят в программах этих партий, в их идеях созвучие своим собственным мыслям и настроениям. Именно они, составляя социально активную часть общества, раскачивают маятник реальной политики. А это, в свою очередь, обрекает партии, политиков на вечный поиск оптимальных решений.

Совершенно очевидно: общество для нормального развития в равной степени нуждается и в эффективном производстве, и в общественной стабильности, которую удастся обеспечить только путем справедливого распределения. За многие века своей истории человечество не смогло выработать универсальный баланс между двумя этими началами. Да его и не может быть — единого, годного в любое время и в любом месте, поскольку условия жизни повсюду разные и очень быстро меняются.

Зато человечество изобрело универсальный механизм поиска такого баланса. Это борьба левых и правых партий за проведение в жизнь своих приоритетов.

Представим себе гусеницу, ползущую по зеленому листку. Вот она вытянулась, расслабилась, ее мышцы отдыхают. Это приятное состояние, но оно не может длиться вечно: голод гонит ее на поиски пищи. Чтобы двигаться, она должна собраться, согнуться, напрячь все мышцы. Но и в таком положении ей не

удастся задержаться надолго: усталые мышцы начнут протестовать. Она вновь выпрямится, расслабится, будет набираться сил для следующего такта движения.

Нечто похожее происходит и в человеческом обществе. У власти правые: все в напряжении, все направлено на производство, на экономический прогресс. Но социальные мышцы устают, и на смену правым приходят левые. Наступает общественная релаксация, накопленные ресурсы в первую очередь используются для потребления. Но они не безграничны, а потому неизбежно последует новое напряжение сил.

Борьба политических сил является источником развития, движения, прогресса. Ее не заменить никаким хитроумно сконструированным балансом. А в демократической системе это означает необходимость для каждой из политических сил отстаивать свои взгляды перед обществом, бороться за голоса избирателей. Отсюда — потребность в идеологии, отсюда — миллионы слов и тонны бумаги, без которых немислим политический процесс.

Но есть и еще один аспект взаимоотношений традиционных партий и общества. Как мы уже убедились, левая и правая идеологии воспроизводятся благодаря естественным различиям между людьми. Их первичными носителями выступают самые обычные граждане, причем, что тоже естественно, среди представителей наемного труда более вероятно встретить носителей таких «стихийных» левых взглядов, а в среде бизнес-сообщества — правых.

Люди наиболее активные, наиболее остро воспринимающие социальные проблемы и как бы пропускающие их через себя становятся членами политических партий, исповедующих соответствующую идеологию. У нас, кажется, еще не все поняли, что членство в партии — далеко не для всех, что это — удел заведомого меньшинства. Для обычного гражданина, вполне сознательного и ответственного, как правило бывает довольно проголосовать на выборах, да обсудить их результаты с друзьями за кружкой пива. Не случайно в развитых демократиях никогда не было партий, насчитывающих многие миллионы чле-

нов — последнее есть верный признак тоталитарного общества, где партии превращаются в элемент системы контроля власти за людьми.

Но те, кто в партии вступил и в них работает, как правило искренне и последовательно верят в ценности своей идеологии и готов бороться за их полное осуществление. Именно здесь находятся нервные центры общества, подающие социальным мышцам сигналы на сокращение или на релаксацию. Казалось бы, партии с разными установками должны непрерывно и бескомпромиссно бороться друг с другом за торжество своих идеалов.

Однако не все так просто. Идеологические установки, как и следует из их названия, исходят из идеального, они от природы являются максималистскими. Представим себе честного и сознательного партийца, который выдвинулся благодаря своей активности и идейной зрелости и вошел в состав руководства своей партии. Скорее всего, он будет неприятно поражен различиями между тем, что написано в партийных программах и манифестах, и реальным политическим поведением своих коллег.

Ладно еще, если партия находится в оппозиции. А если в данный момент она пришла к власти? Ее руководителям приходится решать тысячи практических проблем, порой возникших задолго до их победы на выборах. И, под давлением обстоятельств, они начинают вести себя не как идейные бойцы, а как прагматики, не чурающиеся не только компромиссов, но и прямых отходов от предвыборных обещаний.

Важно понять, что это не лицемерие, а необходимая реакция на требования жизни. В начале 90-х годов в ряде стран Восточной Европы на смену демократам первой волны пришли левые правительства. Вспомним, тогда и наша пресса заговорила о коммунистическом реванше и об угрозе рыночным преобразованиям в этих странах. Что же вышло на деле? Правительство Хорна в Венгрии, Квасневского — Олексы в Польше повели гораздо более либеральную политику, чем их предшественники — и более эффективно чем те завершили их дело! Ситуация в эко-

номике этих стран была такова, что не оставляла левым политикам реального выбора — они были вынуждены действовать вопреки своим идейным установкам.

А разве не то же происходило у нас в России с правительством Гайдара? Начав жесткую монетаристскую политику, оно уже через несколько месяцев раздавало предприятиям льготные кредиты не менее энергично, чем это делалось при власти коммунистов. Проза жизни оказались сильнее теоретических и идеологических построений.

Здесь — еще одно объяснение видимого сближения политики правых и левых сил, сменяющих друг друга у власти. Оказавшись у руля, и те и другие превращаются из людей идей в людей дела, из романтиков превращаются в прагматиков. Без этого им бы не справиться с текущими задачами управления.

Хотя такое поведение политиков и объяснимо, оно не может вызывать восторга у членов выдвинувших их партий и электората. Демократическое общество и здесь выработало соответствующий механизм: когда идеология и практическая политика партии расходятся слишком заметно, она теряет поддержку избирателей и проигрывает очередные выборы. А за этим следует неизбежная смена партийного руководства.

Новые руководители присягают на верность партийным ценностям и, опираясь на них, вновь начинают борьбу за голоса избирателей. И ведут себя так вплоть до победы — после чего все начинается сначала.

Заранее согласны с тем, что выглядит этот бесконечный процесс непривлекательно и вполне может быть истолкован как бесконечный обман легковверных людей кучкой беспринципных политиканов. Но в нем заложен и механизм обновления, позволяющий, тем не менее, левым оставаться левыми, а правым — правыми и в каждом цикле понемногу продвигаться к реализации своих идеалов — на благо всему обществу.

Тут может возникнуть вопрос: разве у нас что-то не так? И у нас есть свои левые и правые. Вот и пускай себе борются на здоровье — ради общего блага.

Так, да не совсем. Европейские левые и правые мало похожи на своих исторических предшественников. И те, и другие полностью принимают существующие в их странах политические и экономические системы. Их расхождения — это расхождения в нюансах, деталях, а в конечном счете — в тех самых двух-трех процентах налога на прибыль. Вот почему дискуссии между европейскими партиями российскому наблюдателю часто кажутся пресными и несущественными.

У нас же, в российском обществе, — еще нет базового соглашения, нет ничего такого, что заведомо не подлежало бы пересмотру. Даже о Конституции мы чаще всего вспоминаем именно в связи с предложениями об ее изменениях. История убеждает, насколько опасно в России, по крайней мере в обозримом будущем, острое политическое противостояние. А именно это, так или иначе, заложено в двухпартийной системе. Мы не можем допустить, чтобы обществу в очередной раз была навязана одна из радикальных моделей развития.

Наверное, со временем крайности будут сглаживаться: в Европе к сегодняшнему положению шли не одну сотню лет. Может быть, и нам стоит подождать, пока естественный ход событий все расставит на свои места?

К сожалению, и этот путь нас не устраивает. Когда постепенно, веками формировались западные демократии, мир был совсем другим. В нем были свои проблемы и опасности, но ни одна из них не носила глобального характера. Прогресс, наряду с огромными достижениями и новыми возможностями, принес человечеству и новые вызовы, многие из которых способны перечеркнуть всю человеческую цивилизацию.

Развитие информационных технологий значительно повысило вероятность и политических угроз, причем демократическая система не является надежной от них защитой. На недавних выборах россияне смогли ощутить мощь таких технологий. Кажется, располагая достаточными средствами и доступом к национальным телеканалам, можно сформировать любое общественное мнение, привести к власти любую группировку или личность.

В таких условиях оставлять на политической арене в качестве главных действующих лиц радикальные партии — дело крайне опасное. Нет времени ждать, пока они окончательно цивилизуются. При отсутствии базового согласия мы скорее всего не дождемся этого светлого дня, а окажемся втянутыми в очередной исторический эксперимент. Нужно выстраивать серьезную альтернативу, способную исполнять одновременно роль стабилизатора и движителя общественного развития.

Но что же это будет за сила? Ведь левая и правая ниши у нас как бы уже заняты. Да и сложно, отказавшись от естественной борьбы левых и правых тенденций, обеспечить динамизм общественного развития.

Сложно, но, оказывается, можно. Уместно вспомнить опыт либерально-демократической партии Японии, многие десятилетия остающейся у власти в этой стране. Секрет ее политического долголетия в том, что дискуссии между поборниками экономической эффективности и социальной справедливости происходят внутри этой партии, между правым и левым ее крыльями. Являясь уже, по сути дела, непременным элементом системы власти, ЛДПЯ не застывает в неподвижности, как это случилось с КПСС, а продолжает поиск оптимальных решений и сохраняет способность оперативно реагировать на быстро меняющиеся обстоятельства жизни.

Конечно, подобная политическая структура (особенно в российских условиях) может легко породить бюрократизацию и коррупцию. Но общество в лице других партий — политических конкурентов не оставит это без внимания. Так случилось и с ЛДПЯ, проигравшей выборы социалистам. Однопартийная система в современном мире совершенно не допустима, а внутренняя дискуссия обязательно должна дополняться диалогом и спорами с другими политическими субъектами.

Нам кажется, что видимое сближение позиций левых и правых в Европе — явление того же плана. На фоне согласия по основным, базовым вопросам эти партии продолжают свой исторический спор, смещая маятник то в одну, то в другую сторону, но в целом удерживая его вблизи точки оптимума.

Из далекой Японии и Европы вернемся к нашим российским делам. Характерно, что за коммунистов и правых, вместе взятых, на думских выборах 99 г. проголосовало чуть больше 30 процентов сограждан. Остальные голоса распределились между партиями, расхождения меж которыми определялись не идеологическими различиями, а, в наибольшей степени, их позицией по отношению к действующей власти.

Это означает, что, урегулировав разногласия по данному вопросу, можно выстроить очень основательную и перспективную силу, способную в новой России сплотить вокруг себя значительную часть общества. Силу, действующую в рамках нынешней политической и экономической системы, но ориентированную на ее совершенствование. Силу, объединяющую людей с разными воззрениями, но готовых вести дискуссию внутри единой партии для выработки оптимальной политики.

Конечно, плодотворная деятельность такой силы предполагает наличие у нее внешних оппонентов, каковыми прежде всего будут либо нынешние «левые» и «правые», либо партии, развившиеся на их основе.

Создавая «Отечество», мы изначально ориентировались на консолидацию всех конструктивных, прагматических сил, были настроены на то, чтобы стать либо основой, либо частью их широкого объединения. Сегодня ситуация позволяет эффективно расчищать завалы прошлого, снимает остроту некоторых личных и политических конфликтов. Невероятной сложности задачи, стоящие перед страной, можно решить только сообща, как говорится, всем миром. Мы обязаны вернуться к идее консолидации созидательных сил, поскольку только она гарантирует России спокойное и динамичное развитие.

Подчеркивая прагматизм как родственную черту партий и общественных объединений, формально не принадлежащих ни к правому, ни к левому лагерю, мы не хотим этим сказать, что они должны сторониться всякой идеологии. Без идеологии нельзя привлечь на свою сторону электорат, невозможно вдохновить сограждан своими целями. Мы в «Отечестве» очень быст-

ро почувствовали потребность общества в новых идеях и тот отклик, который немедленно рождает такие идеи, когда их вводят в политический оборот.

Своей главной целью мы провозгласили соединение личной свободы гражданина с сильной государственной властью. В известном смысле здесь заложены главные элементы традиционных идеологий. Свобода — главная ценность либерализма. Личная свобода, включая свободу предпринимательства, служит залогом быстрого и эффективного экономического и политического развития. Регулирующая роль государства, выраженная прежде всего в Законе, — важнейший элемент левых взглядов. В российских условиях только сильное государство способно обеспечить свободу своим гражданам, ответить на вызовы XXI века, провести нас через самый сложный период становления демократии и рынка.

Мы вполне допускаем, и даже рассчитываем на то, что в наших рядах будут как люди, ставящие в этой связке на первое место свободу, так и те, для кого определяющей является роль государства. Их постоянная дискуссия должна обеспечивать динамику развития и возможность в любой ситуации найти оптимальное решение.

Мы вновь возвращаемся к вопросу о мере и гармонии. Можно сказать, что мы принимаем идейные позиции как правого, так и левого спектра, но придаем им такую меру, в какой они способны не просто ужиться, но гармонично соединиться, взаимно обогащать друг друга.

Той же логикой определяются наши главные ценности: Свобода, Согласие, Закон. Если Закон — это способ построения отношений свободных граждан с государством, то Согласие — универсальный метод урегулирования противоречий между гражданами и их объединениями.

Все вместе это продвигает нас к гражданскому обществу, члены которого на базе Согласия и Закона сами решают встающие перед ними проблемы. Сила государства — не в стоящей над народом власти, а в самодеятельности свободных граждан, объединяющихся для осуществления своих общих интересов.

Гарантия свободы личности — в ее участии в таких объединениях, надежно защищающих ее интересы и гражданские права.

Нам видится в этом основа, способная соединить многих и многих созидательно настроенных людей, желающих обеспечить своей стране долгие годы спокойствия и процветания. Конечно, мы ни от кого не будем требовать «присяги» нашим ценностям и готовы их обсуждать со всеми, дополнять их перечень, раскрывать их новые грани.

В то же время эта идеология противостоит левому и правому большевизму. Не соглашаясь с идеями коммунистов и отечественных либералов, мы не предлагаем вести с ними борьбу на уничтожение. Напротив, спор с ними позволит нам точнее выражать свои позиции, четче реагировать на новые вызовы. В случае формирования нового крупного объединения конструктивных сил, наши левые и правые радикалы займут в политическом спектре свое место. Можно даже сказать, что они смогут более последовательно отстаивать свои идеалы.

Таким будет вклад «Отечества» в становление новой политической системы России.

Страна, которую мы строим

Каким бы печальным ни было настоящее России, мы верим в ее счастливое будущее. Нами руководит отнюдь не слепое, иррациональное чувство, основанное на убеждении, что «в Россию можно только верить», ибо мы ее дети и нам не остается ничего иного. Мы верим в Россию потому, что измеряем ее «общим аршином», сопоставляя с другими странами, и это сопоставление ясно показывает, что шансов на достойное будущее у нас ничуть не меньше, чем у наших западных и восточных соседей.

Весь вопрос состоит лишь в том, чтобы осознать, в чем заключается наш шанс, и верно его использовать. Мы, как уже не раз говорилось, вовсе не призываем бездумно следовать за другими. «Отечество» убеждено, что Россия, как и любая другая страна, должна идти «своим путем», но при этом двигаться в том же направлении, что и весь современный мир.

Итак, в чем же заключается наш шанс?

Мировое разделение труда и вырисовывающиеся контуры будущего сами диктуют России курс развития: мы должны вписаться в новый мир и найти в нем свое — равноправное — место. Иначе нас ждет незавидная участь: превращение в ресурсный придаток стран «золотого миллиарда».

Разумеется, тех, кто стоит с протянутой рукой, в компанию сверхгигантов не принимают. А это значит, что Россия должна сделать миру предложение, от которого «невозможно отказаться». Думается, нет смысла уточнять, что речь ни в коей мере не может идти о диктате с позиции силы. Это неприемлемо для нас по принципиальным

соображениям, да и нет у России в настоящее время такой силы, чтобы диктовать свою волю другим. Однако мы можем поставить дело так, что сотрудничество с нами окажется чрезвычайно выгодным для наших соседей, ближних и дальних. Надо создавать свои собственные международные корпорации. И у нас для этого есть огромные возможности.

Одна из них — уникальное географическое положение нашей страны, которая являет собой как бы гигантский мост между Востоком и Западом. Через Россию пролегает самый короткий путь между странами Атлантического и Тихоокеанского регионов. Не использовать его — было бы ничем не оправданным расточительством.

Как это сделать?

В качестве примера можно привести предложение недавно ушедшего от нас академика Никиты Моисеева о создании корпорации СМП — Северный морской путь. Наша водная дорога по морям Северного Ледовитого океана в 2 раза короче и в 1,6 раза дешевле любого другого морского пути «из англичан в японцы», и действовать она может круглый год. И потому корпорация СМП могла бы стать действительно транснациональной, поскольку в ее успешном функционировании заинтересованы многие государства на Западе и Востоке. А самое главное — России нет нужды вкладывать в ее создание большие средства. Наш капитал — это атомные ледоколы, которым придется дежурить в верховьях Таймыра и в восточной части пути. Сейчас эти корабли стоят на приколе и практически бездействуют. Наш капитал — это российские порты на Ледовитом океане, информация об особенностях северной навигации и т. п. И наконец, участие в корпорации поможет нам вдохнуть новую жизнь в наш атомный флот, в развитие ныне бедствующих районов Севера.

Это всего лишь одна из возможностей. Разумеется, предложение академика Моисеева необходимо тщательно просчитать, рассмотреть во всех подробностях. Однако заложенное в нем рациональное зерно видно и невооруженным глазом. Ведь работая в этом направлении, мы одновременно будем вынуждены

развивать авиационное, железнодорожное сообщение, прокладывать новые автомобильные дороги. Нет никаких сомнений в том, что такой подход указывает одно из направлений, в котором следует развиваться нашей стране.

Россия не только не исчерпала своих ресурсов, но и, по сути дела, еще не приступала к их серьезному освоению. Надо только хорошо оглядеться и по-хозяйски использовать то, что у нас уже есть. А имеем мы не так уж мало.

Одна из главных ошибок наших реформаторов состояла в том, что в России были использованы методы рыночной стабилизации, разработанные для стран, находящихся на доиндустриальном этапе развития. Реформаторы словно забыли, что Россия уже прошла индустриализацию, заплатив за нее страшной ценой — предельным напряжением народных сил, коллективизацией, ГУЛАГом, закабалением крестьян и рабочего класса.

В последнюю треть века наша страна вошла с мощной развитой индустрией. Иное дело, что к началу перестройки промышленное оборудование на многих предприятиях требовало модернизации, организация производства оставляла порой, мягко говоря, желать лучшего, продукция не всегда соответствовала мировым стандартам. Не будем сейчас перечислять всех пороков нашей тогдашней индустрии — о них и так сказано уже более, чем достаточно. Однако никакие недостатки не могут перечеркнуть главного: мы располагали мощной промышленной базой; высококвалифицированными кадрами — инженерами, рабочими, управленцами; обширной научной базой; системой профессионального образования и всем прочим, что необходимо для существования и развития современного индустриального производства.

За десять лет реформ мы откатились далеко назад и не только не «модернизировались», но и потеряли многое из того, что имели. Однако при всем плачевном состоянии российской промышленности наша задача заключается не в одном лишь восстановлении производственного потенциала страны, а в продвижении вперед. Необходимо разработать стратегию перехода к *постиндустриальному* этапу развития. Именно в этом и должна заключаться подлинная промышленная реформа.

Можем ли мы шагнуть сразу же в будущее? «Отечество» полагает, что только в таком решении и заключается единственный шанс России. Бесполезно пытаться догонять тех, кто не стоит на месте, а двигается вперед семимильными шагами, слепо копируя пройденный ими путь.

Упор надо сделать на внедрение технологий, олицетворяющих научно-технический прогресс. Для России это прежде всего аэрокосмический и оборонный комплексы, самолетостроение, станкостроение, судостроение, информационные технологии и т. д. Кстати сказать, именно в названных областях мы менее всего отстаем от других развитых стран, а в чем-то и опережаем их. И что, видимо, наиболее важно, движение в этом направлении поможет сохранить наше основное богатство — светлые головы и «золотые руки».

В настоящее время тысячи и тысячи высококлассных специалистов, начиная от ученых и кончая инженерами и рабочими, остаются невостребованными; талантливая молодежь уезжает работать за рубеж, многие — навсегда. А ведь все эти люди — залог достойного будущего России. Их знания, профессиональный опыт, высокий творческий потенциал, умение и желание трудиться «Отечество» рассматривает как один из главных ресурсов страны. Без них не пробиться в постиндустриальное завтра. Будущая Россия должна стать страной, где по заслугам ценят труд, умение и высокий профессионализм.

Сейчас, когда речь заходит о среднем классе, чаще всего имеют в виду владельцев небольших фирм, коммерсантов, торговцев средней руки и т. д. Отнюдь не пытаясь умалить роль людей, входящих в эту социальную группу, напомним, что во всех развитых странах «средний класс» понимается куда более широко. Представители малого и среднего бизнеса там — лишь малая часть того мощного социального слоя, который охватывает более половины населения.

Современный средний класс — по преимуществу наемные работники: менеджеры, инженеры, высококвалифицированные рабочие, люди науки, учителя, врачи и т. д. Они являются подлинными «столпами общества», ибо не только поддерживают

его своим трудом, но и, что не менее важно, с одной стороны, постоянно стимулируют развитие общества, а с другой — обеспечивают его стабильность. Это последнее и есть одна из основных функций среднего класса.

Никто не станет отрицать, что средний класс в нашей стране был и прежде, в советскую эпоху. В него входили те же категории наемных работников, что и в западных странах, — инженеры, ученые, квалифицированные рабочие, медики, работники торговли и т. п., хотя, разумеется, их жизненный уровень был намного ниже, чем у их «собратьев по классу» на Западе. И все же это был полноценный средний класс, составлявший, по оценкам социологов, около трети населения страны. Именно он стал той силой, что послужила опорой реорганизации общества. Без его поддержки никакая «перестройка» была бы невозможна.

Первую свою функцию — стимулировать перемены — наш средний класс выполнил. Однако дальнейший ход реформ выбил у него почву из-под ног. Его представители оказались в столь же бедственном положении, что и наименее образованные и квалифицированные слои населения. Это беда не только среднего класса, но и общества в целом. Могут ли обеспечить его стабильность люди, которые сами влачат жалкое существование?

Нам не надо создавать средний класс заново, как утверждают некоторые. Необходимо лишь поддержать людей, которые в любом государстве составляют цвет нации. Надо обеспечить им уровень жизни, достойный их знаний, профессиональных качеств и роли в обществе. Надо вернуть им веру в себя, в свои силы, в то, что они необходимы своей стране. И наконец, самое главное: необходимо создать прочную базу для восполнения и расширения российского среднего класса. Такой базой является образование.

Бедственное положение нашей системы образования общеизвестно. Об этом говорилось и говорится так много, что, видимо, нет нужды повторяться. Катастрофически снизилось количество действующих школ, ухудшилось качество школьного образова-

ния, разрушена система среднего профессионально-технического образования. По некоторым данным, в настоящее время нигде не учатся и не работают около 2 миллионов детей и подростков. И их число постоянно возрастает. Относительно благополучной можно назвать лишь ситуацию в высшей школе. Однако и здесь не без проблем. Увеличивается число профессий (прежде всего речь идет об экономистах, юристах, менеджерах), которым в вузах обучают за плату. А это значит, что они становятся недоступными для молодежи из малообеспеченных семей.

Однако главное даже не в этом. Наша система образования переживает глубочайший кризис. Она безнадежно устарела и давно уже не соответствует требованиям времени. Вряд ли нам может служить утешением сознание того, что мы здесь не одиноки. Это глобальная ситуация, и с подобными проблемами сталкивается система образования во всех развитых странах.

Конечно, цена образования велика, но плата за невежество — еще выше. Стремительно меняется окружающая жизнь, возникают новые информационные технологии, практически безграничными становятся возможности науки. Следовательно, должны меняться формы и методы образования, которые наш век унаследовал от эпохи Просвещения и которые совсем еще недавно казались столь бесспорными и незыблемыми. Прежде всего требуется совершенно иной подход к передаче знаний от одного поколения к другому.

Для России эта проблема стоит особенно остро. Сейчас нам, как никому другому, требуются люди, ориентированные на будущее, умеющие быстро приспосабливаться к любым изменениям, гибкие, любознательные, пытливые и, что, может быть, самое главное, — способные сохранять ясный ум и принимать решения в условиях неопределенности. Нынешняя система образования таких навыков и умений, к сожалению, не дает, а между тем эффективность и характер дальнейших перемен в нашей стране будут определяться главным образом интеллектуально-образовательным, информационно-культурным потенциалом общества.

Это ставит в повестку дня вопрос о гуманитаризации образования, о создании новой его модели, сущность которой состоит в подходе к человеку как высшей ценности, самоцели и главному источнику развития общества.

Нетрудно заметить, что все, о чем здесь говорится, тесно связано между собой. Насущные задачи, стоящие перед Россией, сливаются в единый комплекс, в котором одинаково важны все составляющие. Решить какую-либо из проблем саму по себе, в отрыве от всех прочих, попросту невозможно. Именно в этом состоит один из принципов устойчивого развития.

К сожалению, для нашего общества «устойчивое развитие» — это новое и не слишком ясное понятие, хотя во многих других странах об устойчивом развитии говорят с начала 70-х годов, когда человечество окончательно осознало, что рубит сук, на котором сидит. Тогда-то и родился термин «sustainable development», что можно перевести на русский язык довольно приблизительно как «развитие, не подрывающее собственные предпосылки и условия», или «развитие, которое может поддерживаться неопределенно долго». Как определяет Международная комиссия по окружающей среде и развитию, устойчивым является «такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».

Можно спросить: а что же тут нового и непонятного? О том, что надо беречь родную природу и природные ресурсы, всем давно известно. Стоит ли придумывать для это мудреные термины? Примерно так считали до сих пор и наши высшие власти, объявляя даже, что Россия находится на пути к устойчивому развитию. Вот только «экологию подтянем немного», и все, мол, будет в порядке.

Насчет экологической обстановки — разговор особый. С ней в России дело обстоит из рук вон плохо. Однако понятие «устойчивое развитие» не ограничивается одной только охраной окружающей среды. Оно подразумевает органическую взаимосвязь процессов, протекающих в природе и обществе, сочетание устойчивости в системе «человек—природа» с устой-

чивым состоянием общества. Стратегия устойчивого развития имеет шанс на успех лишь в том случае, если она распространяется на экономическую и социальную сферы жизни общества, учитывает нравственные аспекты человеческого бытия.

Надо понять, что мы до сих пор жили исключительно текущим моментом, не заглядывая ни на шаг вперед и постоянно занимая в долг у будущего. Мы жили за счет наших детей и внуков, за счет будущих поколений. Стихийно и беспорядочно тратили то, что принадлежит не нам одним. Природные ресурсы казались неисчерпаемыми, а точнее, мы просто не задумывались о том, сохранятся ли для наших потомков плодородные земли, уголь, газ, нефть, полезные ископаемые...

Да что там, ископаемые! Пора всерьез подумать о том, смогут ли наши внуки дышать чистым воздухом и что передаст им нынешнее поколение россиян — здоровье и силу или наследственные болезни? Получат ли наши внуки и правнуки образование, соответствующее требованиям третьего тысячелетия, или же к тому времени, когда они появятся на свет, в России образованных людей можно будет перечесть по пальцам? Будут ли они жить в сильном и справедливом государстве, или же большинство из них обречено на нищенское существование либо в стране, раздираемой распрями, либо под властью тоталитарной диктатуры? Какую культуру унаследуют они от нас? Какие идеалы и ценности?

Все эти риторические, на первый взгляд, вопросы задаются вовсе не для красного словца, поскольку Россия оказалась в числе стран, где с начала 90-х годов произошло снижение индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитываемого по методике Программы развития ООН. За этими вопросами стоит жестокая реальность, которая ожидает Россию в не столь уж далеком будущем, если общество не осознает, насколько жизненно важно выработать национальную стратегию устойчивого развития. Такой стратегии до сих пор нет, и «Отечество» намерено приложить все усилия, чтобы она наконец-то была разработана.

Мы вовсе не объявляем себя всезнайками, которые одни только знают, как спасти Россию. Решать это надо всем миром. Однако «Отечество» во всеуслышание провозглашает одним из основополагающих пунктов своей идеологии: здоровые люди и здоровое, жизнеспособное общество — высшая ценность.

Исходя из этой ценности, мы и рисуем образ страны, которую строим.

Будущая Россия, это:

- **Богатая страна равных возможностей**, в которой в условиях свободного предпринимательства и разумной налоговой системы каждый гражданин сможет сделать зажиточной свою жизнь и жизнь своей семьи, выполняя одновременно все свои законные обязательства перед обществом и государством;
- **Справедливое общество с высокой степенью социальной защиты**, обеспечивающее максимальную поддержку всем тем, кто не в состоянии трудиться, предоставляющее каждому возможность получать полноценное образование и пользоваться качественными медицинскими услугами, проявляющее постоянную заботу о матери и ребенке, содействующее полному раскрытию способностей молодежи;
- **Гражданское общество**, построенное на принципах демократии, права и многопартийности, провозглашающее человека высшей ценностью, защищающее всей мощью законов и всеми возможностями государства всю полноту его прав, в том числе право участвовать в управлении государством, городом, селом через систему свободных, полноценных выборов;
- **Сильная демократическая власть**, которая избирается народом и работает в интересах народа, действует на основе Конституции и законов, неукоснительно их соблюдая. Реальное разделение властей гарантирует, что никто и никогда не сможет стать выше закона;
- **Крепкое федеративное государство**, в котором все субъекты Федерации объединены общей исторической судьбой, общими интересами и взаимным уважением. Гарантируя свободное развитие регионов, религий, языков и самобытных тра-

диций народов, государство защищает свое единство всей силой закона и власти;

- **Страна высокоэффективной рыночной социально-ориентированной экономики**, соединяющая уникальный интеллектуальный потенциал с огромными природными ресурсами для достижения динамичного развития национального хозяйства при активной поддержке государством отечественного производства;
- **Мирлюбивое государство**, ориентированное на взаимовыгодное сотрудничество и честное ответственное партнерство, но способное постоять за себя, дружбу с которым считали бы за благо все другие нации;
- **Общество, наследующее великие ценности многоликой общечеловеческой культуры**, вносящее свой бесценный вклад в ее развитие и обогащение в том числе и за счет государственной поддержки собственной науки, культуры и образования.

Чтобы достичь этих высоких целей, нужен свободный Человек, ответственный за себя и свою страну; нужен Закон, устанавливающий строгий и единый для всех порядок; нужно Согласие, позволяющее договариваться о лучших путях движения к поставленным целям.

Сейчас, когда время разрушения старого вместе со своими героями и антигероями — уходит в прошлое, доставшийся нам от него идеологический вакуум может и должен быть заполнен. Именно этим и руководствовалось «Отечество», предлагая свой идеологический ответ на вызовы нового времени. Ответ, основанный на тщательном анализе исторического опыта и существующей действительности.

Наши базовые ценности — необходимые условия возвышения России и средство, инструмент осуществления этой исторической миссии.

МАНИФЕСТ «ОТЕЧЕСТВА»

Новая редакция

Мы верим в себя и в Россию!

«Отечество» — это организация, созданная по почину **Юрия Лужкова** — умелого и успешного руководителя, который сумел в самое тяжелое время сделать жизнь людей лучше и богаче.

Мы назвали свою организацию «Отечество» потому, что дорожим землей и памятью наших отцов, неразрывно связываем себя с жизнью страны и всех соотечественников.

Нас собрала вместе тревога и боль за наше Отечество, необходимость соединить усилия всех, кто готов и способен взять на себя ответственность за его будущее, за перемену его судьбы.

Мы объединились во имя великих целей:

- сделать соотечественников **свободными и зажиточными**;
- утвердить в России **гражданское общество**, где свободные люди сами обустроят свою жизнь;
- укрепить **государство**, хранящее правопорядок и мир.

Мы хотим, чтобы в России сильное государство и державное величие не противостояли демократии и свободе личности, а напротив, подпитывали и укрепляли друг друга. Это и есть российская национальная идея.

Для нас новая Россия — это сплав свободы, духовности и государственного могущества. **Это великая страна свободных людей и равных возможностей.**

Сегодня, на пороге третьего тысячелетия, мы хотим начать новую эру — эру созидания, мирного творческого преобразования России.

*Наши главные ценности — Свобода,
Закон, Согласие*

Свобода — самостоятельность и независимость человека, возможность выбрать свой путь в жизни и следовать ему, принимать решения и отвечать за них.

Мы ценим и **личную** Свободу, т.е. право и возможность человека располагать собой, и Свободу **политическую**, как право и возможность влиять на власть и участвовать в ней, выражать и отстаивать свои взгляды на устройство общества и государства, и Свободу **экономическую** — право и возможность быть собственником, предпринимателем, либо продавать свой труд на рынке.

Сегодня не все могут сполна пользоваться Свободой и даже ценить ее. Мы будем неустанно бороться за расширение реального пространства Свободы, а также за то, чтобы те, кто уже вкусил ее плоды, делились полученными от этого благами со всеми соотечественниками.

Свобода далека от вседозволенности. Напротив, это глубоко осознанная личная **ответственность** за себя, свою семью, свою малую и большую Родину. Нельзя быть свободным от единых для всех норм общежития — **Закона и Морали**.

Закон — это норма общежития, закреплённая в праве. Без верховенства Закона, без привычки к его добровольному и неукоснительному соблюдению, Свобода обращается в произвол и анархию.

Извечное требование **равенства** всех людей мы понимаем как их равенство перед Законом, воплощение идеи **справедливости** видим в исполнении всеми Закона.

Закон следует рука об руку с **Моралью**, побуждающей к улучшению Закона, к его сближению с человеческими нуждами и чаяниями.

Сегодня у нас есть шанс создать **гражданское общество**, где свободные люди построят «под себя» сильное государство, обеспечивающее исполнение Закона, разовьют систему самоуправления.

Согласие — готовность и способность граждан, общественных групп, политических сил сообща искать решения возникающих проблем, согласовывать интересы, принимать точки зрения друг друга, неустанно искать пути доброго разрешения противоречий.

Без согласия личности и власти, власти и общества не может быть речи о действительной свободе, о гражданском обществе.

Согласие невозможно без изменения смысла и самой сути российской политики. **Политика должна стать нравственной, повернуться лицом к человеку, превратиться в поприще уважения к своему народу, сострадания к его бедам.** Мы этого хотим, и мы этого добьемся.

Свобода, Закон, Согласие — «три кита», на которых стоит идеология «Отечества».

Нетрудно заметить, что это — для нас явления новые и непривычные. В России люди прежде не были свободными, никогда не жили по Закону, а вместо Согласия предпочитали ходить «стенка на стенку».

Свободе, Закону и Согласию нам всем нужно учиться — так же, как учатся счету и грамоте. Нужно с юных лет разъяснять, как быть свободными, рассказывать, что Свобода — это не безграничная вольница, а большая ответственность, это настоящая диктатура над самим собой.

Нам всем нужно учиться Закону — не только в смысле изучения — правовых актов, но и пониманию того, что по Закону должна строиться вся жизнь, что в нем и сообразно с ним нужно искать решения всех практических проблем.

Нам всем нужно учиться Согласию — желанию и умению договариваться, принимать коллективные решения, избегать конфликтов.

Только так можно решить невероятно масштабную и невероятно важную, действительно историческую задачу — формирование **новой российской цивилизации**.

Корни «Отечества»

Выступая за перемены во многих областях жизни, мы считаем: без обращения к нашим корням, без возрождения национальных традиций, Россия не встанет с колен. Неизбывные источники ее силы в нашей славной **Истории**, в глубоком **Патриотизме** народа, в святой и искренней **Вере**.

Мы не отказываемся ни от одной из страниц нашей **Истории**. Все они, и светлые, и самые трагические, — часть нашего общего прошлого, часть нас самих. Мы хотим, чтобы это общее прошлое не разъединяло соотечественников.

Патриотизм — любовь к нашему Отечеству, вдохновляет нас на все наши дела. Только прочно стоя ногами на родной земле, можно построить дом, вырастить сад, создать свое дело, обрести уверенность, обеспечить будущее наших детей.

Мы стремимся вернуть соотечественникам чувство **гордости** за свою страну. Дать им, независимо от их национальности, вероисповедания, языка, самоощущение единого Великого народа.

В самые трудные годы, в самых тяжелых испытаниях россиян выручала святая **Вера** — в лучшее будущее, в себя и в свою страну, в Высшую силу, укрепляющую и вдохновляющую тех, кто ей верен.

Именно Вера составляет основу **духовности**, всегда отличавшей Россию. Мы стремимся сберечь наше духовное наследие и пополнить его новыми богатствами, рожденными свободным творчеством соотечественников.

Вера — залог непрерывного совершенствования земной жизни. Традиционные **религиозные конфессии** должны получать от государства максимальную поддержку. Свобода совести

должны быть гарантирована. Мы надеемся, что институты и служители Веры станут нашими соратниками в деле возрождения страны, объединения ее здоровых сил, в защите слабых и обездоленных.

Наш лозунг: Свобода и достаток — человеку!

В гражданском обществе людьми не командуют извне — они сами следуют сообща установленным и единым для всех правилам. Они свободны — а значит, сами отвечают за себя.

Мы считаем первейшим долгом создание условий, при которых каждый соотечественник сможет **быть свободным**: самостоятельно решать свои жизненные проблемы, достойно зарабатывать, содержать свою семью, владеть собственностью, проявлять экономическую и политическую инициативу, участвовать в самоуправлении.

Обязанность государства — защитить тех, кто не может обойтись без его помощи: обеспечить молодым равенство стартовых условий, пожилым — спокойную старость, поддерживать качество жизни соотечественников не ниже установленных Законом социальных стандартов.

Наш лозунг: Закон и могущество — государству!

Гражданское общество обслуживается социальным, гуманным, **правовым** государством, исполняющим правовые акты — Законы. Граждане такого государства правопослушны, а государство — правоответственно перед ними.

Государство — это **инструмент** общества, а его чиновники — не «начальство», а специалисты, нанятые соотечественниками для исполнения общественных работ. Государство и его органы не должны возвышаться над обществом. Не существует интересов государства, отличных от интересов его граждан.

Государственное управление нужно органично сочетать с местным и общественным **самоуправлением**. Пусть государства

будет столько, сколько необходимо, а самоуправления — столько, сколько возможно!

Нетерпима для страны и народа слабость Закона и тех, кто следит за его исполнением. Вот почему «Отечество» — за **сильную власть!** В огромной стране слабость власти оборачивается смутой и людскими страданиями. Мы добьемся, чтобы государство было в состоянии обеспечить правопорядок и безопасность.

Государство представляет интересы соотечественников на **международной арене**. В современном мире возможности и перспективы страны немало зависят от ее экономической и военной мощи, морального авторитета. «Отечество» намерено возродить величие России, вернуть ей статус мировой державы.

Наш лозунг: Согласие и справедливость — обществу!

В гражданском обществе люди сами, сообща устанавливают правила общежития и добровольно следуют им, решают возникающие проблемы с помощью Закона, через политические механизмы и самоуправление — т.е. живут в Согласии.

Но такое Согласие возможно тогда, когда люди считают, что их общество устроено **справедливо**: Закон неукоснительно исполняется, граждане равны перед ним, их права и свободы — гарантированы, государство служит людям, богатства страны используются на общее блага.

Наш путь к Согласию — не через призывы, а через **конкретные дела**: укрепление государства, восстановление в нем законности, создание условий для свободной жизнедеятельности соотечественников, развитие самоуправления, поддержку слабых и обездоленных.

Ценности и лозунги «Отечества» — это прямое руководство к действиям, дающим практические результаты!

В решении стоящих перед нами задач, в воплощении наших ценностей мы опираемся на всех здравомыслящих соотечественников, которые думают о будущем, о себе, о своих детях, о нашей общей судьбе.

С кем нам не по пути?

Во-первых, со сторонниками возврата к коммунистическим порядкам.

Мы помним приметы прошлого: отсутствие гражданских свобод, включая свободу печати; «железный занавес»; уничтожение всех несогласных и неугодных; унижение Церкви; сплошное планирование экономики; карточная система; благосостояние для избранных; нехватка самого необходимого для всех остальных.

Так уже было. Мы не хотим иметь ничего общего с теми, кто зовет назад.

Во-вторых, с творцами дикого рынка. С политиками, ответственными за кризис, подкосивший сегодня Россию. Они выросли и начали делать карьеру под сенью коммунистического режима. Но так и не удосужились познать страну, править которой им выпало по воле трагического случая. Они шли наобум. Их решения отличала вопиющая неграмотность. На их совести развал промышленности и сельского хозяйства, науки, образования и культуры, торжество паразитов-олигархов, невиданный разгул преступности.

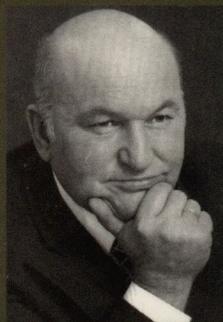
В-третьих, с сеятелями межнациональной вражды и насилия, желающими разделить великий народ по национальному, религиозному, сословному признаку. С теми, кто разжигает взаимную ненависть. Этих людей в стране немного, но опасность, исходящая от них, велика. Мы не хотим, чтобы они влияли на власть и общество. В великой России им не место.

Мы не скрываем своей нелюбви к этим силам и не боимся их вражды, поскольку знаем — большинство соотечественников — наши единомышленники, сегодняшние и завтрашние союзники. **Победа будет за нами!**

Мы верим в успех нашего дела, потому что любим и знаем свою страну. Мы преисполнены тревоги за ее нынешнее состояние, но и осмысленной надежды на то, что уже в скором будущем облик России преобразится. Наше время пришло!

Содержание

Обращение к читателям.....	3
Введение.....	5
Блеск и нищета идеологий.....	10
Россия вчера и сегодня.....	20
«Сфинкс, стоящий перед Европой».....	27
Контурь современного мира.....	34
Архетипы российского сознания.....	42
Корни Отечества.....	52
Во что мы верим.....	55
Сильная власть — оплот свободы.....	65
Свобода по-русски.....	68
Под сенью Закона.....	73
Учиться Свободе и Закону.....	76
Согласие: трудные поиски.....	79
Шанс для России.....	83
«Отечество»: поиск пути.....	87
Страна, которую мы строим.....	99
Манифест «Отечества».....	109

Лужков Юрий Михайлович родился в 1936 г., окончил Московский институт нефти и газа им. И. М. Губкина. Работал на руководящих должностях предприятий и организаций химической промышленности. Профессор, лауреат Государственной премии СССР.

С 1987 г. в системе органов исполнительной власти города Москвы занимал должности первого заместителя председателя Мосгорисполкома, председателя Мосгороагропрома, председателя исполкома Моссовета, вице-мэра. С июня 1992 г. по июнь 1996 г. исполнял обязанности мэра Москвы. В июне 1996 г. и в декабре 1999 г. избран мэром жителями Москвы. Является лидером Общероссийской политической общественной организации «Отечество».

Владиславлев Александр Павлович родился в 1936 г. Учился в Московском институте нефти и газа им. И. М. Губкина и Бухарестском институте нефти и газа. Работал в нефтяной промышленности, занимался научной работой, стал профессором, а затем проректором Института им. И. М. Губкина. Работал в руководстве общества "Знание". В 1989 г. избран народным депутатом СССР. В 1991 г. работал первым заместителем министра иностранных дел СССР в ранге государственного министра по внешнеэкономическим связям. В настоящее время является Секретарем Политсовета Общероссийской политической общественной организации «Отечество», депутатом Государственной Думы Российской Федерации.